

ИСКАНДЕР
МУРАТОВ

Я
РИСУЮ
ТВОЕ
НЕБО

СОВРЕМЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ

0309170050610D09U

18+

Искандер Муратов

Я РИСУЮ ТВОЕ НЕБО. Роман

«Издательские решения»

Муратов И.

Я РИСУЮ ТВОЕ НЕБО. Роман / И. Муратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902648-4

На прием к психологу Захару Августову приходит известный врач, профессор, лектор — Ульяна Баумгартнер. Она обращается к специалисту с просьбой разобраться в событиях сорокалетней давности, которые не дают Ульяне покоя и хранят в себе ответ на главный вопрос, который мучает её на протяжении всей жизни — в чём причина её боли, утрат, гибели её младшего брата и близкой подруги. Что это — карма, судьба или всё-таки вмешательство третьих лиц в её жизнь.

ISBN 978-5-44-902648-4

© Муратов И.
© Издательские решения

Содержание

Сентябрь 2016 года, Москва	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Я РИСУЮ ТВОЕ НЕБО

Роман

Искандер Муратов

Дизайнер обложки Наталья Макарихина

© Искандер Муратов, 2018

© Наталья Макарихина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2648-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Огромная благодарность за предоставленную фотографию для обложки талантливой актрисе театра и кино Анне Касаткиной. А также моей семье. Моему маленькому Одику, Манюне, Лиде, Инне, Зине, Натали и Шохе.

Памяти М. Я. Вайсерберга и Р. Л. Хайслер.

«Память согревает человека изнутри. И в то же время рвет его на части»

Харуки Мураками

*«Истина открывается лишь тогда
когда на нее совершенно случайно наталкивают посторонние
обстоятельства»*

Кадзуо Исигуро, лауреат Нобелевской премии

Все права защищены.

*Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельца авторских прав.*

Переиздание

Все герои романа вымышлены, любые совпадения случайны.

Сентябрь 2016 года, Москва

Я вошла в кабинет Захара Анатольевича Августова – психолога, известного среди коллег в качестве незаурядного специалиста, который применял собственные методы психоанализа, основанные на воспоминаниях. Как назло в кабинете его не оказалось, хотя дверь была открыта, а часы показывали без пяти минут одиннадцать утра. Он принимал клиентов у себя в квартире, частично переделав ее под офис.

– Вероятно, вы ко мне? – послышался из-за спины приятный мужской голос.

Я обернулась и увидела мужчину примерно лет пятидесяти, может чуть больше, но, тем не менее, выглядевшего молодо и свежо.

– А вы, наверное, Захар Анатольевич Августов?

– Он самый, – ответил он, улыбаясь. – Вы ожидали увидеть кого-то другого?

– Нет-нет, просто я вижу вас впервые, потому и уточнила. Мне нужна ваша профессиональная помощь, – улыбнулась я.

– Так что же мы стоим на пороге? Пожалуйста, входите. Чем смогу – помогу, – Августов пропустил меня вперед. – Прошу меня простить за то, что заставил вас ждать, – учтиво добавил он.

Мы вошли в кабинет. Я села в кресло, на которое мне указал Августов, сам он расположился напротив и, внимательно вглядываясь в мое лицо, спросил:

– Как вас зовут?

– Баумгартнер Ульяна Андреевна, – ответила я, удобно расположившись в кресле.

– Очень приятно, Ульяна Андреевна. Чай или кофе? – предложил он.

– Благодарю вас, ничего не нужно. У меня есть водичка, – ответила я и достала из сумки пластмассовую бутылочку с минеральной водой без газа и подставку под нее, больше похожую на небольшой портсигар. Рядом с креслом стоял журнальный столик. На него я и поставила воду.

– А вы – перфекционист, – хмыкнул Августов. Он поднялся, взял с подноса, стоявшего у кулера, чистый стакан и подал его мне.

– Благодарю. В последнее время мне приходится часто путешествовать со своими лекциями. Иметь при себе водичку в таких поездках просто необходимо. Возможно, я на самом деле не перфекционист, а просто человек, который пытается разукрасить свою жизнь яркими красками и никогда не сдаётся. Эта бутылочка с подставкой, скорее всего, лишь маленький пример того, что нужно начинать и делать все с правильной и идеальной точки зрения. Правда, у меня это не получалось на протяжении всей моей жизни. Теперь на старости лет пытаюсь каждую мелочь сделать приятной и удобной для себя.

– Разумно, – согласился Августов. – Погодите, как вы сказали ваша фамилия? – переспросил он.

– Баумгартнер, – медленно проговорила я. – Ульяна Андреевна Баумгартнер.

– Где-то я уже слышал ее, – выражение его лица стало задумчивым. – Она у нас не часто встречается... Сейчас вспомню.

– Фамилия мне досталась от моего бывшего супруга. У него были немецкие корни. И поскольку на момент развода я уже подавала на рассмотрение коллегии свою первую диссертацию под этой фамилией, то не стала ее менять на девичью Спиридонову. Оставила как есть.

– Понятно, Ульяна Андреевна. А чем вы занимаетесь?

– Я – врач-терапевт, доктор наук, профессор.

Услышав мои слова Августов, встал с кресла, подошел к своему рабочему шкафу и начал что-то искать среди груды журналов, открывая то один, то другой и торопливо перелистывая страницы.

– Может, мне прийти в другой раз? Я вам не мешаю, Захар Анатольевич? – его поведение напрягло меня.

– Нет-нет, прошу вас, не волнуйтесь! Дайте мне пару минут, – отозвался он.

Пока Августов что-то искал, я, пользуясь моментом, разглядывала его рабочий кабинет, который был больше похож на библиотеку. Книг было так много, что они башнями поднимались от пола к потолку и походили на миниатюры московских бизнес-центров. В углах был свален разный хлам: свернутые плакаты, папки с документами, журналы. Складывалось ощущение, будто здесь работала целая группа научных сотрудников, изучавших важные каноны человеческой жизни и философии. Аккуратным и чистым было лишь рабочее пространство, где Августов принимал клиентов. Здесь стояло удобное кресло, в котором я сидела, рядом с ним журнальный столик, чуть поодаль массивный дубовый стол, а за ним кожаное кресло.

– Я вас вспомнил! – возликовал Августов, сев напротив и положив передо мной журнал «Медицинский вестник» 2013-го года. В нем была опубликована статья на тему «Терапия и вспомогательные основы своевременного выявления внутренних болезней».

– Да, это моя статья, – кивнула я.

– Я несколько удивлен, что вы, будучи профессором и доктором наук, красивой и успешной женщиной пришли на прием ко мне.

– Захар Анатольевич, спасибо за комплименты моей внешности и профессии. Но бывает и так, что даже профессора нуждаются в помощи. Я пришла к вам именно за ней – за вашей профессиональной помощью, – я сделала акцент на слове «профессиональной».

– А конкретнее?

– На самом деле, мое лицо, стройная фигура и любимая профессия – это вовсе не подарки судьбы, а то, что я получила взамен личного счастья. Вы же изучали физиогномику и, наверное, видите по моему взгляду, что моя жизнь полна трагедий и потерь. На протяжении последних сорока лет я пытаюсь разобраться и понять, почему она была такой тяжелой, в чем же я провинилась так перед богом, что он послал мне столько испытаний? Возможно, это карма или просто череда случайных событий. Вы знаете, иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы я была простым человеком, без научных званий. Я готова отдать все, что у меня есть сейчас, лишь бы быть счастливой. Иметь семью и близких людей рядом. Не в этом ли смысл жизни, Захар Анатольевич? С шестнадцати лет меня преследует какой-то злой рок. Я пережила практически всех близких мне людей... Это очень больно и мне хочется разобраться, в чем же дело? Я думаю, воспоминания, которые сохранились в моей памяти в мельчайших подробностях, помогут мне. Я постоянно прокручиваю их и пытаюсь найти ответы на вопросы, но у меня не получается. И еще, Захар Анатольевич, вместе с этими воспоминаниями меня беспокоит другое: на протяжении очень долгого времени мне снится один и тот же сон. Время от времени я забываю о нем. Но потом он возвращается. И это не все. Есть еще немаловажный фактор, который может показаться абсурдным – женщина в черном.

– Простите? – удивленно спросил Августов.

– Вы не ослышались, женщина в черном траурном платье с платком на голове. Такой, знаете ли, черного цвета платок с цветочным орнаментом, как у павловопосадских¹. Он был повязан как косынка. Лица женщины я не видела, так как оно было прикрыто вуалью. Так вот, эта незнакомка в черном управляла моей судьбой, словно кукловод. Я надеюсь, что благодаря вашему опыту и нашей конструктивной беседе, найду ответы на все свои вопросы и узнаю, кто же она. Мне очень важно, чтобы вы с профессиональной точки зрения объяснили мне

¹ Павловопосадские платки – один из русских народных промыслов. Производятся в г. Павловском Посаде Московской области на ОАО «Павловопосадская платочная мануфактура». Отличительной чертой платков является оформление – объемное изображение цветов, собранных в букеты, гирлянды или разбросанных по полю платка на чёрном или красном фоне, иногда с добавлением орнамента и стилизованных растительных элементов.

связь между всеми событиями, помогли разобраться и освободить мои душу и разум от этих многолетних страданий.

– Интересно, интересно... – Августов задумался. – Вы понимаете, что нам предстоит тяжелая и кропотливая работа? Нам придется вернуться в ваше прошлое и пройти в нем шаг за шагом, посмотреть в глаза людям, которые окружали вас, вновь услышать их слова. Только так мы сможем найти ниточку, которая связывает ваше сегодня с прошлым и зацепиться за нее. Она то и подскажет нам, действительно ли на вашу жизнь влияет карма или это просто череда случайностей. Я работал с подобными случаями, но вот возвращаться с пациентом на столько лет назад мне не приходилось. И еще, я все же задам свой вопрос: почему вы выбрали именно меня?

– Прежде чем прийти к вам, я обратилась к вашему наставнику – академику Петру Семеновичу Максимову. Я попросила его порекомендовать мне хорошего психолога. Повторюсь, не распиаренного, а, действительно, хорошего специалиста. Он назвал мне три фамилии, одна из которых была ваша. Далее я изучила научные работы всех кандидатов, прочла отзывы и остановила свой выбор на вас. Мне понравился ваш индивидуальный подход к пациентам. Особенно недавняя история с Олегом Панкратовым, которую вы выложили у себя на сайте.

– Благодарю. Да, Олег Панкратов был удивительным пациентом. После аварии он потерял память, и тогда ко мне обратилось руководство МВД, чтобы я провел с ним трудоемкую работу. Панкратов был главным очевидцем и крайне важным свидетелем по одному делу. В течение трех-четырех месяцев, два раза в неделю, мы встречались и восстанавливали всю цепочку событий, которые не только пролили свет на то дело, но и выявили дополнительные моменты, доказывающие, что даже авария Панкратова была попыткой его устранения со стороны конкурентов по бизнесу. Признаюсь, такого эффекта я сам не ожидал. Но мы с ним шли по правильному пути, обсуждая каждую мелочь, ведь иногда ответы содержатся именно в мелочах, которые, на первый взгляд, кажутся абсурдными, Ульяна Андреевна.

– Они могут быть и в моем рассказе?

– Все возможно!

– Прошу вас, помогите мне! Попробуйте вместе со мной разложить пазлы в правильной пропорции, чтобы картина моей судьбы выглядела очевидной и понятной для меня самой. Это очень важно!

– Давайте попробуем.

– Захар Анатольевич, у меня есть просьба: я хотела бы решить свою проблему за один визит. То есть за сегодня, – сказала я.

– За один визит? – удивленно переспросил Августов. – Но я вряд ли смогу прояснить всю ситуацию за несколько часов. Это ведь история всей вашей жизни. И, как я понял, ответы на вопросы мы будем искать в самых дальних уголках вашей памяти? А это нелегко, Ульяна Андреевна...

– Все так, – перебила я его. – Ответы находятся где-то в моем прошлом. И они есть! В этом я уверена. Я понимаю, что сорок лет – это слишком много. Я сама пыталась несколько раз вернуться в прошлое, чтобы исправить ошибки. Но все тщетно. Потому что я не вижу этих ошибок, по крайней мере, я считаю, что не делала ничего такого, чтобы судьба так наказывала меня. Я знаю, что вы – именно тот человек, который поможет мне во всем разобраться.

– Хорошо, Ульяна Андреевна. Я отменю все сеансы на сегодня, сделаю крепкий кофе и попрошу консьержку никого ко мне не впускать, – сказал он, снимая телефонную трубку.

Закончив разговор, Августов подошел к кулеру, рядом с которым стояла кофе-машина, и налил кофе в две чашки. Вернувшись на место, он подвинул одну чашку ко мне и удобнее устроился в кресле.

– Ну что, начнем? – спросил он, с интересом глядя на меня.

– Да, но прежде хочу попросить вас, Захар Анатольевич. Обещайте мне, что все сказанное мной останется между нами!

– Ульяна Андреевна, вы могли бы и не напоминать. Это мой долг – хранить врачебную тайну. Хотя, признаюсь, бывают случаи...

– Знаю, бывают! Но мой случай не из их числа. Он слишком личный. Практически никто из моего окружения ничего не знает о моей жизни, и я не хочу, чтобы знали. Весь наш разговор должен остаться в стенах этого кабинета.

– Спасибо за прямоту, Ульяна Андреевна. Я вас понял. За конфиденциальность не переживайте. Итак, я не буду расспрашивать вас о каждой мелочи, они проявятся сами в процессе разговора. В основном я буду вас слушать и делать для себя пометки.

– О большем и не прошу. Я расскажу вам ровно то, что запомнила, вплоть до каждой детали. Эти события унесут нас на сорок лет назад, а потом постепенно приблизят к сегодняшним дням. Прошу простить, если не смогу что-то объяснить с первого раза или мои некоторые воспоминания окажутся неполными. И еще, возможно, самое интересное будет в середине, хотя это зависит от вас. Вы же слушатель и только вам строить картинку в голове.

– Хорошо, будем работать с тем, что есть. Рассказывайте, не торопясь, стараясь вспомнить каждую деталь. Для начала я хочу узнать о вашем сне.

– Это один и тот же сон, который преследует меня на протяжении долгого времени. Я иду по безлюдной, заснеженной улице какого-то неизвестного города. Он словно опустел, только в некоторых окнах домов слабо горит свет, но людей не видно. Вдруг откуда-то доносится леденящий душу женский крик. Я прохожу еще несколько метров и слышу, как в звенящей тишине из дома, где не горит свет, кто-то произносит мое имя. Голос манит меня в кромешную тьму. Я делаю еще шаг и вижу перед собой Исаака Эммануиловича, который, преградив мне путь, вдруг бьет меня по лицу и говорит: «Ульяна, очнись! Ты слишком рано пришла сюда. Сейчас же уходи отсюда! У тебя мало времени! Беги!». И я бегу. Мне кажется, что позади, из окна того пустого дома, откуда слышался голос, на меня смотрит подруга детства Вероника. А за ней стоит женщина в черном. Увидев ее, я не останавливаюсь и продолжаю бежать без оглядки. Каждый раз я просыпаюсь на этом моменте в холодном поту.

– Сны – очень интересная и прекрасная вещь. Это скрытые элементы нашего подсознания, которые до конца еще не изучены и не разгаданы. В наших снах отражается и то, о чем мы думали на днях, и то, как в вашем случае, что память хранит годами. Наш мозг, словно диск с множеством файлов, собранных в папки. В этих объемных папочках и хранятся ответы на все наши вопросы. Вот только мы не всегда можем уловить сигнал, который подает нам мозг. При этом сны могут быть следствием пост-травматической истории. Как вам правильно объяснить... – Августов за минутку задумался. – Стресс, лежащий в основе страшных сновидений, может быть получен, например, в результате аварии, изнасилования или потери близкого человека. Это называется «парасомнией»² и может сопровождать пациента на протяжении всей жизни. Я постараюсь вам помочь, это исправимо. Ульяна Андреевна, город из сна напоминает вам какой-нибудь из тех, которые вы знаете?

– Нет, этот город не напоминает мне ни один из тех, где я была. Хотя сейчас вы назвали кое-что, что стало злым роком в моей жизни, несмотря на мои отказы воспринимать это.

– Интересно и что это было?

– Я чуть позже вернусь к этой теме, Захар Анатольевич.

– Хорошо. А сколько вам лет примерно в этом сне?

– Наверное, лет двадцать пять или двадцать шесть...

– Ясно. А теперь скажите, вот я тут записал одно имя – Исаак Эммануилович. Правильно?

² Парасомнии – двигательные, поведенческие или вегетативные феномены, возникающие в специфической связи с процессом сна, но необязательно связаны с его расстройством.

– Да-да, это замечательный человек! У меня с ним связаны только теплые воспоминания. Я расскажу о нем чуточку позже, – ответила я.

– А Вероника? Кто это? – продолжал Августов.

– Это моя подруга юности. Мы познакомились и подружились с ней в детском доме.

– Отлично, тогда начнем с самого детства, а к женщине в черном будем приходить по мере появления вопросов, – Августов откинулся на спинку кресла и выжидающе посмотрел на меня.

– Только у меня еще одна просьба. Она не сильно важна для нашего сеанса, но все же... Захар Анатольевич, в своем рассказе я сознательно упущу название города, где я родилась, и, возможно, даже некоторые имена, сами понимаете это очень личное...

– Это не имеет для меня никакого значения, Ульяна Андреевна, начинайте свою историю. Главное – это суть, – перебил он, явно пребывая в нетерпении.

– Хочу предупредить, в моем повествовании будет много слез и отчаяния. Я прошу вас понять и принять это без фальши. Ибо мне, как девушке, в те годы принимать удары судьбы иначе было никак. Эти эмоции будут длиться недолго, так как с годами я научусь относиться к боли как к некому должному.

– Хорошо, я вас понимаю.

Я закрыла глаза на несколько секунд, собрала с мыслями и начала свой рассказ.

Глава 1

Нелюдь

Город «N», 1976 год

Как говорила наша соседка тетя Зина, пока родители не развелись, у нас с моим младшим братом Алексеем было беспечное детство. К сожалению, продлилась эта беспечность недолго. Мой отец, Спиридонов Андрей Викторович, Царствие ему Небесное, ушел в другую семью, когда Лешке исполнился всего годик, а мне шесть лет. Первое время он помогал нам материально, но потом вместе со своей новой семьей переехал в Москву, и помощь закончилась, звонки стали редкими. Вскоре отец забыл про нас окончательно. Хотя потом, с годами, я поняла, что это была лишь его гордость по отношению к моей матери и ее поступкам.

Моя покойная мама, Ирина Александровна Спиридонова, Царствие ей Небесное, делала все, чтобы мы с младшим братом не чувствовали себя безотцовщинами. Она старалась окружить нас заботой и любовью за двоих. Мама всегда была интересной женщиной, умной и мудрой, привлекающей внимание. В нашем доме стали появляться мужчины. Некоторые из них приходили несколько раз в неделю, а кто-то бывал строго по выходным. Щедрые мамин ухажеры приносили нам с Лешкой подарки. К сожалению, все эти знакомства не были продолжительными. Зачастую после первых двух-трех визитов они просто исчезали. С годами я начала понимать маму. Мне очень хотелось, чтобы у нее, наконец, наладилась личная жизнь. Иногда она плакала ночами от отчаяния и досады. Я старалась ее хоть как-то утешить и часто обнимала ее так крепко, как могла. Эх, мама, мама, как же тяжела была ее женская доля... Еще жальче было Лешку. Каждого, кто приходил к нам в дом и задерживался немного дольше, он называл папой. Через какое-то время эти «папы» внезапно исчезали, делая его несчастным. Мне было сложно и больно наблюдать за всем этим со стороны.

Но, несмотря на все трудности, мы все же оставались, как мне казалось, одной из самых счастливых семей того времени. Пока в один прекрасный день в нашем доме не случилась трагедия, в корне изменившая нашу жизнь. Я помню все до мелочей, что происходило ровно сорок лет назад, двадцать пятого февраля 1976-го года.

В тот день я вернулась из школы пораньше. Училась я тогда в десятом классе. Мне было шестнадцать лет, а Лешке десять. Когда я пришла, он делал уроки в зале. На кухне за столом сидел и резал мясо мамин знакомый, который последнее время приходил к нам очень часто. Его звали Ларин Константин Васильевич. Мы его называли просто дядя Костя. Он был маминим коллегой, они работали в одной школе. Я обратила внимание на початую бутылку водки, стоящую на столе. Дядя Костя был уже навеселе. Увидев меня, он задорно произнес: «Ульяночка! Скоро будем делать шашлыки, в сарае все готово. Ты ведь любишь шашлыки?». Я ничего не ответила, застенчиво улыбнулась и прошла в свою комнату. Переодевшись, я вернулась в зал, чтобы помочь Лешке с уроками.

— Мама будет только через час, — сказал дядя Костя, появившись в дверном проеме. Он внимательно посмотрел на меня и добавил: — Ульяна, помоги-ка мне.

— Да, конечно, — мне не очень хотелось находиться рядом с ним, но отказать было некультурно, поэтому я пошла следом на кухню. — Что нужно сделать?

— А нарежь-ка мне лучка! — хитро ответил он. Затем, покопавшись в кармане своих затасканных трико, вытащил несколько купюр. — Леша, возьми деньги, сбегай в ларек, купи лимонада и пирожных на десерт! — он протянул купюры резво прибежавшему на кухню Алексею.

Тот, обрадовавшись такому повороту событий, схватил деньги и помчался обуваться.

— Как идет подготовка к поступлению в институт? — спросил дядя Костя.

– Готовлюсь, – кротко ответила я.

– Какая молодец! – похвалил он.

Я посмотрела на него и встретила лукавый взгляд, который скользил по мне. Я не придавала этому значения и продолжила чистить лук для маринада.

– У тебя очень красивые глаза, Ульяна, – вдруг произнес дядя Костя.

От его слов мне стало неудобно и даже противно, но, не показывая вида, я выдавила в ответ тихое «Спасибо». Вдруг он положил нож, встал из-за стола, подошел ко мне и, взяв меня за руку, погладил ее. Меня словно ударило током. Я выдернула руку из его ладони, но он продолжал настойчиво притягивать меня к себе. Я оттолкнула его, бросила нож, которым чистила лук на стол, и попыталась выбежать из кухни. Но не получилось. Он схватил меня за горловину свитера и, развернув к себе, наотмашь ударил ладонью по лицу. От неожиданности и сильного удара я замерла. Мне стало понятно, чего хотел мамин ухажер. От осознания, страха и чувства беспомощности меня затрясло. Я хотела убежать, но ноги меня не слушались, в голове звенело. Резким движением дядя Костя прижал меня к стене и, зажав рот рукой, стал торопливо стягивать с меня свитер и расстегивать брюки. Я попыталась закричать, в надежде на то, что соседка тетя Зина услышит крики и прибежит на помощь, но из зажатого рта слышалось лишь глухое мычание. Изворачиваясь, я старалась укунить его ладонь, но не могла. Дядя Костя с силой прижал меня своим телом к стене, выбраться из его крепких рук было невозможно.

К моему счастью, Лешка, оказывается, все еще возился в коридоре, развязывая запутавшиеся в узел шнурки ботинок. И как выяснилось позднее, услышав шум и мои крики, он быстро надел калоши и выбежал из дома. Лешка уже знал, что в случае чего, нужно бежать за помощью к соседке тете Зине. Бывало, когда кто-то из маминих сожителей поднимал на нее руку, то Лешка, недолго думая, мчался за подмогой. Я держалась из последних сил. Меня спасала пуговица на брюках, которую полупьяный дядя Костя никак не мог расстегнуть. Услышав, как распахнулась входная дверь, я перестала сопротивляться, понимая, что Лешка привел тетю Зину. Мамин сожитель на мгновение восторжествовал, почувствовав, что я не противлюсь его натиску, и, убрав ладонь от моего лица, потянулся своими губами к моим. В этот момент на кухню влетела тетя Зина. Она схватила скалку, лежащую на холодильнике, и со всей силы огрела дядю Костю между лопаток. Он отошел от меня, подтягивая свои растянутые на коленках трико, и растерянно начал просить прощения, глядя то на меня, то на тетю Зину. Ее появления этот нелюдь никак не ожидал.

– Да как ты смеешь, тварь!? Не прибеги я вовремя, ты бы девчонке всю жизнь сломал? – закричала тетя Зина и стала бить дядю Костю скалкой.

Один из ударов попал ему по лицу и рассек губу. Хлынула кровь. Дядя Костя, зажимая рану рукой, стал причитать еще сильнее:

– Простите, Зинаида Михайловна. Улечка, и ты прости. Не знаю, что на меня нашло, окаянного, – оправдывался он.

Я выбежала в коридор, схватила за руку Алешку, который все это время в шоке стоял у двери, и затащила его в свою комнату, закрыв дверь на щеколду. Я расплакалась. Лешка жался ко мне, успокаивая меня. Я обняла его, расцеловала, пытаюсь показать, что все нормально. Но это было неубедительно, так как все мое тело содрогалось от рыданий.

Дядя Костя подошел к двери и начал стучать по ней кулаками. Мы не открывали. Спустя некоторое время он принялся умолять через дверь, не рассказывать обо всем случившемся маме. Якобы «она не простит его и, скорее всего, выгонит из дома, а этого нельзя допустить, потому что он помогает маме, ведь ей очень тяжело одной растить меня и Лешку, да и любят они друг друга». Я услышала, как к нему, выкрикивая бранные слова, подошла тетя Зина. Дядя Костя что-то бормотал ей в ответ. Но она не стала его слушать и выгнала из дома, напоследок еще раз ударив скалкой.

За дверью стало тихо. Я потихоньку открыла ее и выглянула. Тетя Зина бросилась ко мне:

- Ульяна, деточка, он не тронул тебя? – она тяжело дышала, осматривая меня.
- Не-е-е-т, – дрожащим голосом произнесла я.
- Ты приляг, приляг, – засуетилась она. – Тебе надо полежать.

Я легла на кровать и прижала к себе Лешку, который свернулся калачиком и тихо плакал. Слезы катились и по моим щекам. Видимо от испытанного шока я не могла перестать плакать. Незаметно для себя я погрузилась в сон.

Проснувшись я ночью. Рядом со мной спал Алексей, а на полу, рядом с кроватью, сидела мама и смотрела в одну точку. Заметив, что я проснулась, она повернулась ко мне, взяла мою ладонь в руки и, поцеловав, сказала:

– Ульяна, что бы ни говорили люди, помни, он получил по заслугам. Никому не рассказывай о том, что он хотел сделать с тобой, слышишь? Ты ничего не знаешь. И за что я его убила, ты тоже не знаешь. Потому что правда может отразиться на твоём будущем.

Не понимая, о чем идет речь, я приподнялась на кровати и, поправив растрепанные волосы, растерянно спросила:

– Мама... Мамочка... Что ты говоришь? Кого ты убила?

Но мама будто не слышала меня и продолжала говорить:

– Милая моя, если бы я не убила его, он покалечил бы других. Он – подонок. Такие, как он, должны лежать в могиле! Я убила его, пока он спал у себя дома. Всадила в него нож, а потом сама же вызвала милицию. Так что, скоро за мной придут, девочка моя. А теперь скажи мне, ты все поняла? Жива буду, не помру. Я совершила проступок и должна за него ответить. Теперь тебе самой придется заботиться об Алешке и себе. Будь сильной. Держи себя в руках. Ты – моя дочь и должна стать человеком. Через полгода тебе заканчивать школу. Пообещай мне, что поступишь в медицинский, как мы с тобой и мечтали, – мамин голос дрогнул, и она заплакала.

– Мама, что ты говоришь? – я едва сдерживала рыдания, не в силах поверить в то, что это происходило на самом деле. – Может еще все обойдется?

Своими разговорами мы разбудили Алексея. Он спросонья не мог понять, в чем дело. Протерев заspanные глаза, он посмотрел на маму, потом на меня и спросил: «Мама, Улечка, а почему вы плачете?». Мы ничего не ответили, тогда Лешка спустился с кровати и прижался к маме.

Милиция не заставила себя долго ждать. Рано утром они забрали маму. История с убийством Константина произвела много шума. Город у нас был не большой, и поэтому каждый, кому не лень, показывал на нашу семью пальцем. Родная сестра убитого Ларина, Людмила Васильевна, оказалась судьей нашего городского суда и одновременно работником горкома партии. Она всячески оказывала давление на следствие с самого первого дня этой проклятой истории. Следователь и работники прокуратуры пытались понять истинный мотив преступления, но мама упорно твердила всем, что убийство произошло на бытовой почве.

Все время пока шло следствие с нами жила тетя Зина. Я часто думала о том, что было бы, не расскажи она обо всем маме. Наверное, ничего не произошло. Дядя Костя остался бы жить, маму бы не посадили и вся наша жизнь не пошла бы под откос. Но я, временами склонная к фатализму, знала, что все предначертано. Лешка тогда неслучайно застрел в прихожей со шнурками и оказался невольным свидетелем бесчестного поступка маминого кавалера. А тетя Зина вернулась домой за оставленным талоном и увидела тарабанившего в дверь напуганного Алексея. Все это было предначертано судьбой и, кроме как на нее, больше мне обижаться было не на кого. Думая о неизбежности, мне было проще уходить от воспоминаний, которые травмировали меня. Но вопросы. Они снова и снова возвращали меня в прошлое.

Первые две недели после ареста мамы я пребывала в каком-то опьяненном состоянии и даже не заметила, как тетя Зина собрала мамины вещи и отнесла их ей в КПЗ. В те дни я часто пропускала школу. Мне казалось, что там все то и делают, что шепчутся за моей спи-

ной. Осознавать произошедшее, а тем более выбросить из памяти тот вечер, было невозможно. Иногда, когда Лешка и тетя Зина засыпали, я садилась на подоконник и долго плакала, глядя в окно. Плакала не от того, что этот зверь хотел со мной сотворить, а от того насколько беспощадна была судьба. Мы были игрушками в ее руках: хочет вмиг перевернет нашу жизнь, ради забавы или нет, но уж точно без сочувствия.

Как-то ранним утром, в середине марта, позвонил следователь и сообщил о том, что нам разрешили свидание с мамой. Я очень обрадовалась: наконец после такой долгой разлуки можно было увидеть ее и обнять, прочувствовать тот любимый и единственный материнский запах. Мы с тетей Зиной напекли пирожков, взяли с собой Алексея и пошли в КПЗ.

В назначенное время мы стояли в коридоре у двери, на которой висела табличка со звуочной фамилией – Шапорта. Постучав, мы с Лешей вошли в кабинет. Тетя Зина осталась ждать нас у горотдела, сославшись на то, что мы должны побыть с мамой наедине. Нас встретил мужчина лет тридцати. Оглядев нас, он с грозным видом выдал:

– У вас на все про все час времени. Я пока пойду, пообедаю. Только без фокусов, девушка.

– Хорошо, – тихо ответила я.

В прокурорском кабинете было холодно и сыро. Стены еще не отошли от зимних стуж и не пропускали весеннего тепла. Мама сидела на стуле рядом со столом, на котором лежало много разных документов. Ее правая рука была пристегнута к специальному крючку на стуле, который был привинчен к полу большими болтами. Увидев нас, мама расплакалась. Мы подошли к ней и крепко обняли.

– Мы с тетей Зиной испекли для тебя пирожков с капустой. Как ты любишь, мам. Она передает тебе привет, хотела пойти с нами, но потом осталась у ворот. Решила, что нам самим нужно поговорить, – тараторила я, не выпуская маму из объятий.

– Огромное спасибо Зинаиде Михайловне, – ее объятия стали крепче.

– Мам, в школе все говорят, что ты убила человека. И теперь никто не хочет дружить со мной, – наивно пролепетал Алексей.

Это был тот неловкий момент, когда дети говорят все, что приходит в голову, не задумываясь о последствиях. Я смутилась и легонько пихнула его в бок. Но мама, крепко обняв его одной рукой, поцеловала в макушку.

– Пусть так говорят. Люди всегда будут что-то говорить, плохое или хорошее. Ты не верь никаким словам, всегда слушай свое сердце, сынок, и помни главное – где бы ты ни был, каким бы человеком ни стал, твоя семья – это твое богатство. Береги память о ней, как о самом важном, – мамин голос задрожал, а глаза наполнились слезами.

– Мама, не плачь! – не выдержала я. – На вот, поешь пирожки! Здесь еще теплая одежда, носочки и свитер твой любимый я принесла...

– Ульяна, а ты помнишь, что я говорила тебе? Никогда и никому не рассказывай о том, что хотел с тобой сделать этот урод! По крайней мере, сейчас и в ближайшие годы. Договорились? А лучше, выбрось из головы все, забудь, как бы сложно это не было. Я не хочу, чтобы эти события оставили осадок в твоей душе. И еще одна просьба: никогда не навещай меня, достаточно писем. Пообещай мне!

– Хорошо, мама, я обо всем постараюсь забыть, но как же не навещать тебя?

– Обещай, я сказала! Срок мне, по любому, дадут не маленький! Я не хочу, чтобы ты видела меня в лагерной робе.

– Мамочка, – я прикрыла рот рукой, едва сдерживая рыдания. – Я не смогу, не смогу...

– Ульяна, – мамин голос чуть смягчился. – Послушай и сделай так, как я прошу.

– А если не получится?

– Учись сдерживать свое слово, дочь! – строго проговорила она.

– Хорошо, мама, я обещаю.

– Впредь гони от себя все плохие мысли, всегда улыбайся и никогда ничего не бойся. Страх – это просто иллюзия. Во всем будь осторожна. Прежде чем ответить – подумай, никогда не торопись с ответом. Ответ – он, как камень на весах. Можно положить на одну чашу, а можно и на другую. Твое будущее и будущее Алексея теперь в твоих руках, милая моя. К сожалению, жизнь сложилась так, что я не увижу, как вы вырастаете, не порадуясь вашим победам и не поддержу в трудную минуту, но сердцем я всегда буду рядом с вами. Я люблю вас очень сильно. Простите меня, родные мои! – последние слова мама говорила, уже не стесняясь слез, которые ручейками сбегали по ее бледным щекам. – Запомни! Неважно где наши любимые, важно, что они в сердце! Это самое близкое расстояние.

Час, выделенный на свидание, наверное, был самым коротким в моей жизни. Вернувшись с обеда, следователь Шапорта позвал конвоира и, пообещав напоследок, что «все будет хорошо», выпроводил нас с младшим братом за дверь.

В коридоре мы остались ждать маму. Когда она появилась, Алексей бросился к ней и, крепко обхватив руками, стал плакать и громко кричать: «Мама! Мамочка! Отпустите мою мамочку!».

– Знаете, я сдержала свое слово и ни разу не навестила маму в колонии. Лишь писала ей письма, отправляла бандероли и посылки. Мне было невыносимо тяжело не видеть ее, не слышать, но я обещала, – с горечью произнесла я, а Августов лишь кивнул.

Глава 2

Маленькая страна

Через три дня после свидания с мамой к нам домой пришли участковый, двое незнакомых мужчин и женщина средних лет, которая, как только переступила порог, стала с интересом осматривать все вокруг. Они даже не представились. В тот вечер у нас гостила моя школьная подруга Лена Жевнаренко. Мы с ней делали домашнее задание. Из-за случившегося я сильно отстала по предметам, а Лена решила помочь мне подтянуть знания. Тетя Зина готовила что-то на кухне. Она буквально застыла, увидев незнакомцев в сопровождении участкового, так как, в отличие от нас, поняла, в чем дело.

– Здравствуйте! – поздоровалась женщина и протянула тете Зине какую-то бумагу и беспристрастно объяснила, что это предписание из горкома, согласно которому нас должны определить в детский дом. Пока тетя Зина изучала документ, женщина бегло оглядела комнаты и, обратившись ко мне, сказала, чтобы я собрала свои вещи и вещи брата.

Новость о том, что нас должны отправить в детский дом, стала для меня громом среди ясного неба. Я поняла, что сейчас нас заберут из родного дома неизвестно куда. Мне стало страшно.

– Леночка, иди домой, пожалуйста, – попросила я.

Она промолчала в ответ, но с места не сдвинулась.

У меня похолодели кончики пальцев на руках. Мои уговоры, просьбы, мольбы оставить нас с братишкой дома оказались напрасными. Меня словно никто не слышал. Тогда в разговор вмешалась тетя Зина:

– Скажите, могу ли я оформить опеку над детьми? Я все-таки не чужая им. Они мне как родные. Обоих нянчить помогала... Да и Иришку знаю сизмальства. Ее покойных родителей знала, схоронили их вместе...

– Нет, гражданочка, вам не положено по возрасту. Мы все делаем по закону. Девочка пробудет в детском доме до восемнадцати лет, так же, как и мальчик, – холодно ответила женщина.

– Но как же так? Улечке ведь уже шестнадцать, она учится в десятом классе, – с надеждой проговорила тетя Зина.

– Это не имеет значения, все согласно закону, в предписании написано!

– Подождите! У детей есть родной отец – Андрюша. С ним-то они могут жить? Я же знаю его номер телефона. Он живет в Москве, работает каким-то большим начальником, – отчаянно проговорила тетя Зина, надеясь на то что, слова «Москва» и «большой начальник» сыграют роль и хоть как-то смягчат непреклонных членов комиссии. Хотя в действительности наш отец был обычным инженером-конструктором.

Незванные гости переглянулись между собой и, выдержав паузу, женщина разрешила:

– Звоните! Только побыстрее.

– Я сейчас! – засуетилась тетя Зина. – Его номер записан у меня в телефонной книжке дома. Я мигом сбегая.

– А эта девочка кто? – спросила женщина, указывая на Леночку.

– Какая тебе разница, кто я? Что? И меня забереешь? Кишка тонка! – грубо ответила Лена. Она всегда была очень вспыльчивой девушкой.

– Да как ты разговариваешь с взрослыми? Кто это, товарищ милиционер? – возмутилась женщина.

Но участковый, имени которого я не знала, видимо хорошо знал Елену Жевнаренко. Район-то у нас был небольшим. Он подошел к женщине и что-то прошептал ей. От услышанного та изменилась в лице и сказала:

– Я очень уважаю твоего отца, Леночка, но с взрослыми так разговаривать нельзя. Ты же понимаешь? Давай договоримся, что этот наш с тобой разговор – простое недоразумение.

Я точно не знала, кем работал отец Леночки, Владимир Петрович Жевнаренко. В школу ее всегда привозили на черной «Волге» с государственными номерами. Многие учителя побаивались Леночку и старались с ней общаться только по учебе. Зато мы с ней с первого класса были как родные сестры. Наша девичья дружба с годами только крепла.

Через несколько минут в дом вбежала запыхавшаяся тетя Зина. У нее в руках была красная телефонная книжка. Надев очки в роговой оправе, она судорожно перелистывала страницы, пытаясь найти номер нашего отца в Москве.

– Вот! Ну, слава Богу! Нашла! – обрадовалась она и набрала номер.

Я и Лешка подошли поближе к телефону. Несмотря на свои десять лет, он прекрасно понимал, что такое детский дом. В трубке шли длинные гудки, никто не отвечал.

– У них не общий, по-моему, телефон, а свой должен быть. Он как-то говорил, когда звонил, – оправдала долгое ожидание тетя Зина.

Наконец, на другом конце провода ответили, и тетя Зина взволнованно заговорила:

– Алло! Алло! Вы слышите меня? Андрей, это ты? Андрюша, это Зинаида Михайловна тебя беспокоит, бывшая твоя соседка. Помнишь меня?

В трубке что-то ответили и тетя Зина, облегченно вздохнув, продолжила:

– Андрюша, беда у нас! Тут такое дело... Ирину арестовали. Произошло недоразумение. Это не телефонный разговор. Детей хотят определить в детский дом. Нельзя этого допустить, Андрюша! Сам понимаешь, Ульяночке скоро школу заканчивать, к институту готовиться надо, а Лешенька... Он же маленький совсем!

Я не могла больше слушать это и выхватила телефонную трубку из рук тети Зины. Отцу мы всегда были не особо нужны. После переезда в Москву он почти не интересовался нашей жизнью, звонил нам только под Новый год и то не всегда. Поэтому его долгое молчание в ответ на мои мольбы забрать нас с Лешкой к себе меня даже не удивило. Выслушав меня, он спокойно ответил: «Ульяна, дочка, ну куда я вас? У меня и так здесь коммуналка, комната на четверых. Тебе школу скоро заканчивать, в институт поступишь, общежитие тебе дадут. Ну, а Лешка, он – пацан. Привыкнет». Я дослушала отца, извинилась за беспокойство и положила трубку. Было ли мне больно? Нет. Обидно? Может быть. Но ничего нельзя было поделать. Мне осталось лишь повернуться к женщине и мужчинам и тихо проговорить:

– Наш отец отказался нас забирать к себе. Простите...

В глубине души мне казалось, что что-то просто пошло не так. Еще мгновение и произойдет чудо: отец перезвонит и изменит решение, а может тете Зине разрешат нас оставить у себя. Чуда не произошло. А гулкую тишину, которая повисла в комнате, нарушил голос женщины:

– Ну, вот и решено! Теперь можно и познакомиться. Меня зовут Виктория Сергеевна Толмачева. Я – директор школы-интерната. Смотреть за такими детишками, как вы – моя работа. А теперь, собирайте все самое необходимое, и едем!

Тетя Зина села на табуретку и от безысходности заплакала. Я же опустилась на колени перед Лешкой и обняла его.

– Помнишь, мама говорила, что ты должен быть настоящим мужчиной?

– Да, – ответил он, обвивая меня своими худенькими ручонками.

– Сейчас самое время проявить себя как мужчина.

– Если ты будешь рядом со мной, я буду им! – он тихонько всхлипнул. – Я все понимаю, Улечка.

Я потихоньку выпустила Лешку из рук и пошла собирать вещи. Свои я упаковала в мамин чемодан, а Лешины в его любимый – маленький с изображением Буратино и Мальвины. Его мама привезла из Сочи. Леша очень любил этот чемоданчик и хранил там свои самые важные и ценные вещи. Жаль, что сейчас чемоданчик нужно было использовать не для путешествия, а для переезда в детский дом. Перед выходом я подошла к Леночке, которая, все еще ничего не понимая, стояла в ступоре, чтобы попросить о помощи дяди Вовы. Он мог посодействовать тому, чтобы я могла уехать вместе с ней в Москву, поступать в институт, а не дожидаться пока мне исполнится восемнадцать лет. Леночка пообещала поговорить с отцом.

В тот вечер в сопровождении Виктории Сергеевны мы отправились в новую жизнь. Когда мы поворачивали в сторону ворот детского дома, я впервые увидела ту самую женщину в черном одеянии. Свет фар ярко осветил ее силуэт, и я успела разглядеть, что на ней был надет какой-то черный балахон, голову прикрывал черный платок с еле заметным орнаментом. Лица не было видно, так как платок был спущен до самого носа. Кроме того, лицо было скрыто сетчатой тканью, похожей на ту, из которой делают вуаль для шляпок. При желании можно было лучше разглядеть ее, но я не смогла, так как машина быстро завернула за ворота. Я обернулась и увидела, что она стоит на месте и смотрит нам вслед. Так мы с ней смотрели друг на друга, пока не закрылись ворота.

«Интересно, кто это?» – подумала я, но сразу же отвлеклась, так как машина остановилась и нам нужно было выходить.

Мы направились следом за Викторией Сергеевной по узкой тропинке, мимо высокого забора, как мне тогда казалось, в неизвестность. Я шла, держа в правой руке чемодан, а левой крепко сжимая вспотевшую ладонь Лешы. Пройдя метров пятьдесят, мы оказались на футбольном поле, освещенном уличными фонарями. По обе стороны от него стояло два почти одинаковых двухэтажных здания с огромными колоннами, похожими на те, что украшали фасады Домов Культуры тридцатых годов.

Когда мы пересекли футбольное поле, к нам подошли две женщины в белых халатах. Алексей крепче сжал ладонь и спрятался за мою спину, словно чувствуя, что нас сейчас разлучат. Одна из женщин, пошептавшись с Викторией Сергеевной, подошла к Леше и, взяв его за руку, молча повела в сторону здания, которое возвышалось слева от поля. Я спросила, куда его ведут. Виктория Сергеевна ответила, что в корпус для мальчишек. Лешка упрямылся и не хотел идти. Он постоянно оборачивался и смотрел на меня так жалобно. Последней каплей стало то, что от волнения он уронил свой любимый чемоданчик.

– Да стойте же! – чуть повысив голос, я сказала воспитательнице, которая, несмотря на мой возглас, пыталась увести брата.

Я подбежала к ним и, опустившись на колени, обняла Лешу. Посмотрев ему в глаза, я тихонько сказала:

– Скажи, когда ты вырастешь, будешь нас с мамой защищать?

– Буду, – всхлипывая, ответил он.

– Тогда учись быть мужчиной уже сейчас! Иди с гордо поднятой головой! – я погладила его по плечам, словно расправляя их.

– Хорошо, – Лешка шмыгнул носом и снова обнял меня.

Мое сердце разрывалось на части, когда я смотрела, как он отдалялся от меня. Но мои слова подействовали: он ни разу не оглянулся назад, сдерживая свое слово.

Я даже не заметила, что директриса куда-то исчезла. Настал мой черед идти за другой женщиной. Так я переступила порог здания для девочек. Мы шли с ней по полутемным коридорам детского дома. Она довела меня до комнаты и открыла дверь. Время приближалось к полуночи, и все воспитанницы тихо сопели на казенных кроватях. Я прошла, присела на свободную койку и задвинула под нее чемодан. Дежурная постояла еще несколько минут перед тем, как отправиться на свой пост. Спать мне не хотелось. Я думала о маме, как там она, о том, чтобы

Лешку поместили в нормальные условия. Тревожные мысли о нем не покидали меня, и спустя минут сорок я вышла в коридор, чтобы пойти к нему и узнать, как он устроился. Дежурная, увидев меня, встала из-за стола.

– Ты куда? Если в туалет, то тебе прямо по коридору. Только давай быстрее, – буркнула она.

– Нет, мне не в туалет, – растерянно ответила я. – Мне нужно проведать своего братика. Мы первый раз ночуем в таком месте, я переживаю за него. Можно мне сходить к нему?

– По ночам шастать не положено. Завтра и увидишь! А сейчас, марш в кровать и спать! – равнодушие в голосе дежурной мгновенно сменилось на раздражение.

– Я просто хочу увидеть своего братика. Что особенного в моем желании?

– Посмотри, какая настырная, а! Ты меня не поняла? Я же сказала тебе, завтра увидишься! – гаркнула дежурная, подойдя ко мне вплотную.

У нее была очень большая грудь, которая возвышалась на уровне моих глаз. Рядом с ней я была как Моська перед слоном из басни Крылова. Несмотря на это, ее отказ только разозлил меня и усилил желание увидеть Алексея. Поэтому я решила идти до конца. Все мысли в моей голове собрались в один огненный шар, который дал невиданный прилив энергии.

– Я хочу видеть своего брата! – крикнула я и пихнула дежурную в сторону, пытаясь освободить себе дорогу.

Но она оказалась не из робкого десятка и резким ударом по голове свалила меня с ног. Девушкой я была хрупкой и, почувствовав сильную боль в голове, на какое-то время потеряла сознание.

Очнулась я оттого, что кто-то тряс меня за плечо со словами: «Эй, давай вставай! Уже подъем». Я вспомнила дежурную, с которой у меня ночью случился конфликт. Но рядом со мной была не она, а девочка, очень похожая на коряночку. С виду ей было лет тринадцать-четырнадцать. У нее были узкие, как две щелочки, глазки, невероятно красивые ямочки на щеках и темные волосы, заплетенные в две косички до плеч. Ростом она доходила мне до подбородка. Но вот что действительно привлекло мое внимание – это ее болезненная худоба.

– Вставай, – повторила она. – Время уже семь утра. Нам надо умываться. Я смотрю, у тебя над лбом шишка от Никитичны? С утра уже слухи поползли. Да, ее лучше не злить. Она у нас суровая. Как тебя зовут? – протараторила девочка.

– Ульяна, – тихо ответила я, рукой ощупывая болезненное место на голове.

– А меня Вероника! Будем дружить! Я тут зеленку принесла. Обработай! – она улыбнулась, протягивая мне бутылочку с зеленой жидкостью.

– Спасибо тебе, – поблагодарила я, а затем аккуратно смочила ватку и приложила к образовавшейся после ночной распри шишке. Щипало ужасно. Сдержав стон, я поднялась и стала оглядывать комнату. Все девочки уже были на ногах, я заметила, как они быстро и четко заправляли свои кровати. Я тут же спросила у Вероники, могу ли убрать свою постель попозже.

– Нет, Ульяна, у тебя будут проблемы. Лучше заправить сейчас. И делать это нужно так же аккуратно, как все. Иначе отругают всех. В детдоме бытует правило коллективной ответственности. И если у тебя сразу не получится так же аккуратно, то мы с девочками поможем тебе. Потому что, в противном случае у нас будут неприятности.

Повзрослев, я часто вспоминала эти слова. В них была своя правда.

Как и следовало ожидать, у меня не получилось с первого раза заправить постель, как того требовалось. Минут через пятнадцать после того, как я закончила возиться с покрывалом, в комнату вошла Виктория Сергеевна, и все, словно по команде, выстроились перед ней в ряд.

– Доброе утро, девочки! – поприветствовала она. – У вас новая соседка – Ульяна Спиридонова. Думаю, вы уже успели познакомиться.

После ее слов все стали смотреть на меня как на музейный экспонат. Интересно то, что до этого никто не обращал на меня внимания. А я, в свою очередь, заметила, что девочки были

разного возраста: от шести лет до шестнадцати и даже старше. Всего нас было около тридцати человек.

– Кто спит рядом с ней? – грозно спросила Виктория Сергеевна, держа руки за спиной.

– Я, – еле слышно ответила Вероника.

– Замечательно, Ким. Вот ты и научишь новенькую, как правильно заправлять кровать. Главное, объясни ей, что иногда, я хожу с ниткой и проверяю, насколько аккуратно все сделано.

– Хорошо, Виктория Сергеевна, – кивнула Вероника.

– Все, а теперь всем желаю доброго и бодрого утра! На очереди физзарядка, общий завтрак и занятия. Кстати, Ульяна, учиться здесь нужно. Просто необходимо. У нашей страны большие надежды на вас! – на последнем предложении Виктория Сергеевна повысила голос.

– Я хорошо училась, когда жила с мамой, – ответила я с напором.

Виктория Сергеевна подошла ко мне вплотную, внимательно посмотрела и, прищурив свои глаза, прошипела:

– Здесь мне не перечат и не отвечают подобным тоном. Времена, когда ты жила с мамой, закончились, и ты уже не у себя дома. Поняла меня? Это место называется детский дом! И этим все сказано!

Опустив глаза, я промолчала. Спорить было бесполезно. Теперь мне придется жить по правилам этого мира. Я вспомнила слова мамы, которые она сказала мне, когда я впервые получила тумаков от дворовых девчат, будучи совсем маленькой: «Чтобы ответить, нужно уметь ждать. Придет и твой черед».

Грудь Виктории Сергеевны нервно вздымалась. Я понимала, что вывела ее из себя. Хотя, конечно, тогда я еще не осознавала, что разозлила человека, у которого были все возможности испортить мне жизнь.

– А теперь все умываться и на зарядку. Марш! – скомандовала она.

Так начался мой первый день в детском доме. После умывания мы сделали зарядку в спортивном зале и пошли в просторную комнату, служившую столовой. На календаре был все еще март, а на стенах почему-то до сих пор висели новогодние игрушки, вырезанные из цветной бумаги, и плакат из ватмана, на котором было написано «С Новым годом!». Вероника, словно прочитав мои мысли, сказала:

– Да, Новый год давно прошел, но дети попросили, чтобы украшения не убирали. Девятый столик наш. Ты иди, садись, а я сейчас принесу завтрак.

Я прошла к столу, у которого стояло только два стула. Вслед мне раздавались перешептывания и хихиканье. Но я не повернулась. Сев за стол, я осмотрелась: те, кто помладше изредка кидали на меня взгляды, а вот девочки постарше смотрели, как на врага. От них меня загородила хрупкая Вероника, вернувшаяся с подносом.

– Я не вижу своего брата, Лешу...

– А мальчики здесь не завтракают. Они в мальчишеском корпусе – это здание напротив, через стадион. Ты можешь сходить к нему после занятий.

– Мне сказали, что сегодня я смогу его увидеть, – я хотела сорваться с места и побежать к Леше.

– Ульяна, мало ли что здесь говорят. Не всему надо верить, и потом «сегодня» еще не закончилось, – ответила Вероника, расставляя на столе тарелки с манной кашей, галетами и железные кружки с чем-то очень похожим на чай. Также у тарелок с кашей она положила по куску белого хлеба.

Закончив с «сервировкой», Вероника пошла вернуть поднос на место. Тут то я смогла внимательнее разглядеть ее. На Веронике был надет застиранный серенький свитер, зеленая юбочка, серые колготки, а на ногах сандалии. «И как только ей не холодно?» – подумала я, еще раз взглянув на ее обувь. Ведь пол был настолько холодным, что я чувствовала это даже

через сапожки. Но знаете, Захар Анатольевич, одежда – это лишь тряпки. В Веронике была сама безупречность.

– Вероника, а ты как сюда попала? – спросила я, когда она вернулась к столу.

– Не знаю. Меня подбросили в дом малютки, когда мне было всего несколько дней от роду, а может и месяц. Кто мои родители – неизвестно. Знаю только, что корейцы, по мне же видно, – улыбнулась она, отпила из кружки чай и поморщилась. – Вообще сахара нет! Есть только запах.

– Это почему? – сменила я тему разговора, подумав, что ей неприятно рассказывать про родителей.

– Потому что в этот чай добавляют раскаленный сахар, чтобы придать хоть какой-то цвет и вкус, – ответила Вероника, скорчив смешную гримасу.

– У тебя красивые ямочки на щеках, – улыбнулась я в ответ, – А сколько тебе лет?

– Мне тринадцать. Ну, ты давай, ешь. Скоро уроки уже начнутся, – задорно ответила моя новая подруга.

– Ошиблась на год, – улыбнулась я. – Вероника, а вот в этом мальчишеском корпусе также кормят? Ну, я имею в виду, им дают то же, что и нам?

– Да, их кормят, так же, как и нас, Ульяна, – сказала Вероника, доев кашу. – А что? Ты не любишь манную кашу?

– Люблю, просто давно не ела...

– А вам, вольным, все яичницу с сосисками подавай! – хмыкнула она.

– Знаешь ли, не всегда была яичница с сосисками, – я понимала, что в словах Вероники нет злости. – Просто, переживаю за брата...

– Ульяна, между прочим, самый полезный завтрак – это манная каша или какая-нибудь другая. Минздрав рекомендует! Поэтому твоему брату будет полезно ее есть.

– Да-да, я слышала, что очень полезно, – слукавила я, чтобы не задеть Веронику.

– Да брось ты, я же знаю, что это не так. Конечно, яичница с сосисками – это вкусно, но каша лучше. Я когда вырасту, буду, все равно, есть кашу! – не отступала от своего мнения она.

Я съела еще немного каши, а печенье не стала. Достав из кармана носовой платок, я завернула его и убрала, чтобы передать Леше после занятий. Вероника проделала с печеньем то же самое. Я удивилась, но не стала акцентировать на этом внимание.

– Вероника, можно я задам тебе один вопрос? Только пообещай мне, что не обидишься, – попросила я.

– А я и не умею обижаться, так что спрашивай, – беспечно отозвалась она.

Я несколько мгновений раздумывала, спрашивать ли ее об одежде, что она носила. Ведь, на самом деле, я понимала, что Вероника росла, не зная домашнего уюта, материнской заботы и тепла. При этом стала доброй и открытой. Чтобы не бередить ее душу, я решила отказаться от своей идеи с вопросом:

– Нет, я не стану ничего спрашивать. Ты поела? Давай сходим в нашу комнату, мне нужно взять кое-что из вещей.

– Да, я поела. Кстати, Уля, здесь не концлагерь. Просто есть кое-какие правила, которые нужно соблюдать. В них нет ничего плохого, наоборот, они даже полезны. Например, здесь строгая дисциплина, которая не позволяет нам «сойти с рельс», – нравовчала Вероника.

– Какая же ты умная, однако! Ну все, пойдем. Сколько у нас есть времени до начала уроков?

– Минут двадцать, если не ошибаюсь. Уроки здесь начинаются в половине девятого и это радует! – Вероника вновь состроила умную физиономию. – Вот только мы с тобой в разных классах.

– А сколько вообще девочек у нас в детдоме?

– Девочек примерно сорок семь, а мальчиков – пятьдесят. У нас небольшой детский дом. Все девочки поделены на три класса: самые маленькие, средние и вы – старшекласники.

– Понятно. Так, теперь пошли! – скомандовала я и мы, встав из-за стола, побежали в сторону нашей комнаты.

Я решила поделиться частью вещей с Вероникой, пока мой чемодан, по правилам детского дома, не забрали на хранение. Достав его из-под кровати, я стала копошиться, вытаскивая теплые свитера, носочки и ботиночки.

– Вот возьми, тебе это сейчас нужнее. А то я смотрю, ты все еще в сандалиях ходишь. Когда я буду уходить отсюда, то все свои вещи оставляю тебе. Мне-то недолго здесь осталось, а тебе еще о-го-го! Но я обещаю, что буду радовать тебя постоянно, – подмигнула я ей.

Вероника взвизгнула от радости, захлопала в ладоши и, присев на край кровати, сказала:

– У меня есть зимняя обувь. Просто она совсем износилась. Я хочу, чтобы скорее наступила весна, – бодро ответила она, как бы оправдывая свои сандалии.

– Ну, вот теперь ты можешь смело ходить в ботиночках, а сандалии оставить на весну. Правда, они немного велики тебе, но, я думаю, это не страшно. С носками будет в самую пору.

Вероника тут же начала переобуваться и, когда она уже завязывала шнурки на ботинках, в комнату вошла какая-то девушка плотного телосложения примерно моего возраста. На ней были мужские брюки и какой-то растянутый свитер. Короткая, как у мальчишки, стрижка дополняла ее угрюмый и хулиганский вид.

– Эй ты, кнопка, иди-ка сюда! – дерзко выкрикнула она, глядя на Веронику.

Я заметила, как та изменилась в лице и, трясаясь от страха, подошла к верзиле. Мне стало тревожно, я пошла следом.

– Че, обновка, да?

– Да, – еле слышно пролепетала Вероника.

– Это ты ей «подогрела»? – дерзко спросила верзила, обращаясь ко мне. В это время вслед за ней вошли еще две девушки примерно такого же роста и телосложения.

Вероника схватила меня за рукав и испугано зашептала:

– С ней лучше не спорить. Это Маша-Глыба. Она за главную среди девчонок. А это ее шестерки Любаша Монро и Марика.

Я не обратила на ее слова никакого внимания. Меня всегда раздражали дерзкие девчонки. Даже в школе, бывало, могла дать оплеуху. Мы с Леной Жевнаренко были силой, но исключительно оборонительной.

– Да, я. А что? Почему тебя это волнует? – с вызовом ответила я.

– Ты че? Крутая что ли? Ты же с «воли», по-моему, заехала вчера?

– Да, я приехала вчера. Разве это мешает мне подарить девочке одежду? – злость закипала во мне.

Верзила приблизилась ко мне, и я не поняла, каким образом оказалась на полу. В следующую минуту Любаша Монро и Марика резко перевернули меня на живот. Я почувствовала тяжесть – кто-то из них присел на меня. Как оказалось, Любаша. Несмотря на мои попытки, вырваться не получалось.

– Давай по пяткам, Марика! – вдруг скомандовала Маша-Глыба.

– Пожалуйста, не бейте ее, очень прошу вас! Я Пакесу скажу! Он вас накажет! – запричитала Вероника, всхлипывая.

– Что?! Твой Пакес пусть у себя рулит, на нашей девчачьей территории он – абсолютный ноль! – ухмыльнулась Маша-Глыба.

Я все еще продолжала вырываться, как неожиданно почувствовала резкую боль в области пяток. Удары продолжались. Было адски больно. Видимо это и стало толчком к возвращению воспоминаний. Перед моими глазами пронеслась картина с Лариным, пытавшимся меня изнасиловать, мамой в КПЗ, Лешкой, плачущим, чтобы его не забирали в мальчишеский кор-

пус. Не знаю, откуда во мне появилась сила, но я резко поднялась, да так, что сидящая на мне Любаша Монро отлетела на пару метров. Не раздумывая, я схватила с тумбочки настольную лампу и со всей силы запустила ее в Машу. Та сначала замерла, а потом медленно опустилась на пол и заплакала. Я набросилась на Марику, которая била меня указкой по пяткам, и стала колотить ее по лицу. Она явно не ожидала такого поворота. В это время Любаша выскочила в коридор с воплями: «Люди! Здесь Машку-Глыбу и Маришку убивают!». Эх, девочки... Какими бы мы сильными не были, все равно плачем, как маленькие. И совсем не важно, в каком ты возрасте и социальном положении.

На вопли Любаши сбежались дежурные и учителя. Правда, я не замечала никого вокруг. Эмоции, накопленные во мне за все это время, выплеснулись в диком рвении проучить Машу-Глыбу и ее шестерок. Дежурные еле-еле оттащили меня за волосы в сторону, хотя я нисколько не сопротивлялась. Тут же меня отвели в какой-то полутемный кабинет, похожий на камеру. Я все еще была в бешенстве. Как потом рассказывала Вероника, я походила на сумасшедшую и даже в процессе драки вырвала клоч волос у Марики.

В кабинете было темно и сыро, только сквозь маленькую форточку пробивался солнечный свет. Мне стало боязно. Я никогда не попадала в такие помещения, напоминающие карцер. При этом в душе я была рада, что смогла не просто вылезти из-под этой Любаши Монро, а дать сдачи! Мне было даже жалко, что не все трое получили. Минут через десять в комнату вошла Виктория Сергеевна.

– Встань с места! – крикнула она, сверкая глазами от злости.

Но я не пошевелилась. Виктория Сергеевна дождалась, пока ей принесут стул, и присела рядом со мной. Я знала, что сейчас мне попадет.

– Значит так, Спиридонова! Скажи, мне оформить данный инцидент как хулиганство? Лампа попала ей в голову и задело ухо! А если бы она оглохла? Что было бы?

Я молчала, хотя мне так хотелось рывкнуть, что им досталось поделом.

– И пойдешь по этапу, по лагерям! Тебе это надо? А как же брат? Ты о нем разве не подумала? – ее слова меня словно отрезвили.

– Простите, Виктория Сергеевна, – я подняла голову и смело посмотрела на нее.

– Вас бы всех наказать, да рука не поднимется у меня! Хотя суть конфликта я знаю от и до. С этими тремя я тоже проведу разъяснительную беседу. А теперь, иди в класс! Еще раз такое повторится, оформлю как хулиганство! Мое дело тебя предупредить, – она поднялась со стула и добавила: – Тебе в четырнадцатый кабинет, это на первом этаже.

Расстояние от «комнаты-карцера» до кабинета мне показалось чудовищно огромным. После ударов по пяткам я еле переставляла ноги и шла, морщась от боли. Отыскав нужный кабинет, я постучалась и сразу вошла. Девочки тут же повернулись ко мне и начали перешептываться. Учительница ответила на мое приветствие и указала, куда сесть. Дойдя до своей парты, я плюхнулась, опустила голову и заревела. Физическая боль смешалась с моральной. Неожиданно ко мне подошли девочки и начали успокаивать, но это продлилось недолго, учительница дала понять, что занятие началось.

Уроки в тот день были разными: алгебра, геометрия, русский язык и литература. Все они проходили в одном кабинете, сменялись лишь учителя. На переменах я ни с кем не общалась по классу, да и девочки больше не подходили. Видимо в самом начале их растрогали мои слезы, но жалость закончилась быстро. После последнего урока я вышла в коридор, где увидела поджидавшую меня Веронику.

– Как прошел первый день учебы? – спросила она, заискивающе улыбаясь.

– Лучше не бывает, – в отличие от нее, радоваться мне было нечему.

– Ну, ты вообще-е-е-е! Самой Маше-Глыбе по башке дать! А эту Марику ты вообще забила, чуть ли не до посинения!

– И что будет теперь? Весь детский дом против меня?

– Да не-е-е! Наоборот, тебя стали уважать! А мне даже позавидовали, что у меня появилась такая подруга, как ты! Не бойсь, теперь тебя не тронут! – подмигнула Вероника. – Как твои ноги?

– Ходить могу, но больно очень, – ответила я. – Вероник, а ты проводишь меня к Лешке?

– Конечно! Но может лучше завтра? Раз тебе больно...

– Нет, сегодня! – запротестовала я. Желание увидеть Лешу превозмогало любую боль.

– Тогда идем, я покажу тебе мальчишеский корпус, – согласилась Вероника.

– Идем, – ответила я и вспомнила про печенье, которое приготовила для него. Все это время оно пролежало у меня в кармане. Я достала сверточек. К моему сожалению, печенье было поломано на маленькие кусочки. Мне стало обидно до слез. Я так хотела отнести брату гостинец.

– Оно, наверное, раскрошилось, когда ты дралась с Машкой и Марикой. Но ничего, я знаю, как тебе помочь! Скорее пошли! – Вероника потянула меня в сторону каптерки.

Каптерка было небольшой, зато полок в ней было, хоть отбавляй. С одной из них Вероника достала большой мешок из бязи, а из него – мешочек поменьше, в котором лежали печенья, аккуратно завернутые в бумагу. Я была удивлена. Вероника бережно достала из мешочка десять галетных «квадратов» и добавила к ним горсточку ирисок.

– Вот возьми! Я каждый день приношу печенье сюда и храню его до выходных, а потом съедаю, сидя на футбольном поле. Или же собираю целый месяц, чтобы можно было сделать торт. А эти конфеты еще остались из новогодних подарков. Я ем их по особым случаям или по праздникам. Меня здесь никто не навещает, вот и приходится экономить, чтобы потом радовать себя. Я очень люблю сладкое, а здесь с этим проблема, особенно зимой, – сказала мне Вероника, протягивая печенье и ириски.

После услышанного я еще сильнее пожалела эту хрупкую беззащитную девочку-сиротку, которая сэкономила печенье и конфеты от праздника до праздника, вместо того чтобы расти в кругу семьи и радоваться жизни. Печально, что где-то были дети, которые раскидывались этими ирисками и не хотели их есть. К их счастью, они не знали ни о детском доме, ни о том, что такое «копить» сладости. Мне было неловко брать печенье и конфеты, я уже хотела было отказаться, когда Вероника продолжила:

– Бери-бери. Здесь в каптерке всегда прохладно, поэтому ничего не портится.

– Спасибо тебе, Вероника! – поблагодарила я.

– Спрячь быстро по карманам, мало ли... люди итак злые здесь, – предупредила она.

– Почему? – удивилась я.

– Эх ты, Ульяна, законов жизни не знаешь. Ну, ничего, скоро привыкнешь, – с улыбкой ответила она.

Тогда я не понимала, что она имела в виду. Смысл ее слов мне стал понятен позже. Все было просто: счастье любит тишину, а с печеньем в детском доме это было связано напрямую.

На улице было солнечно. На чистом голубом небе не было ни единого облачка. Мы шли к корпусу мальчиков через футбольное поле. Ноги мои болели, но я должна была идти, ведь меня ждал брат.

– Уля, скажи, а ты любила когда-нибудь? – вопрос Вероники заставил меня остановиться.

– Если быть откровенной, то за мной бегал один парень, но я не ответила ему взаимностью. А почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась я.

– В том корпусе, где сейчас Алешка, есть парень на пару лет меня старше. Он очень мне нравится. Его зовут Дима, он тоже кореец. Но вот я ему не нравлюсь, – с грустью проговорила она.

– Почему ты так решила, дуреха? – спросила я. – Подожди, давай присядем, больше не могу идти. У меня так болят пятки! Прямо горят!

– Хорошо, – она помогла мне присесть на ближайшую скамейку. – Ты знаешь, после того как тебе досталось сегодня, я больше всего на свете хотела дать по шее этой верзиле, но мне помешали Марика и Любаша! – слукавила Вероника, как бы оправдываясь передо мной.

– Неужели никто не может остановить это беззаконие здесь? Куда смотрит Виктория Сергеевна? Никто не имеет никакого морального, да и вообще никакого права избивать нас! – проговорила я, рассматривая свои красные горящие пятки.

– Я попробую ответить на твой вопрос. Этот детский дом, на самом деле, не такой плохой, как кажется. Здесь хороших людей больше, чем плохих. Я тебе больше скажу: когда случается беда, все мы помогаем друг другу. Маша-Глыба – это реально исключение! Она хочет всех подмять под себя, хотя, по сути, она это и делала до сегодняшнего утра. Ты – первая, кто прекратил это. Ну, а что Виктория Сергеевна? Она регулярно проводит беседы с нами, но ты же знаешь, в любом стаде есть непоколебимые бунтари. Это факт! Не бывает, чтобы все сто процентов были верны законам общества.

– И все равно, Виктория Сергеевна недосмотрела. Она виновата!

– А что она должна сделать? Избить? Чтобы таких стычек не было? Есть масса других способов избежать силы. И поверь мне, Викторию Сергеевну любят даже за то, что она не лезет в подобные ситуации. Та же Маша, Любаша, Марика – они очень любят ее. Хоть и беспризорницы.

– Так чем же она добилась такой всеобщей любви?

– Со временем ты сама поймешь! А пока слушай, далеко не буду ходить, расскажу про себя. Я в этом мире никто, до моего существования никому нет никакого дела. Случись что со мной, никто и не вспомнит. Мою могилку некому будет навещать, со временем ее снесут, а вместе с ней и напоминание о том, что когда-то на этом свете жила девочка с узкими глазами и дурацкими мечтами, – Вероника вздохнула, натянув слабую улыбку. – Каждый человек с возрастом становится эгоистом и любит только себя. Сегодня очень мало людей, которые думают иначе. Меня оставили у порога дома малютки в тоненькой одежде. Как мне говорили, я была замерзшим младенцем без шансов на жизнь. Меня едва спасли, а потом перевели сюда. Виктория Сергеевна заботится о таких, как я. Старается, чтобы нам было сытно и тепло. Она ведет себя, как человек, понимаешь? Вот тебе пример, в новогоднюю ночь, которую мы все ждем целый год, она привозит музыкантов из города и заставляет их играть почти до утра, повторяя: «Пусть дети вдоволь побеселятся, потанцуют!». Или вот еще пример, когда у Наташки Селивановой обнаружили какую-то болезнь и сказали, что жить ей осталось месяца два, Виктория Сергеевна сделала все, чтобы ее вылечить. Она такой скандал подняла! Из самой Москвы профессора приезжали. Она добилась лечения и какой-то операции для Наташки.

– И что? Ее увезли туда? – мне тяжело верилось в то, что говорила Вероника.

– И привезли уже! – улыбнулась она.

– То есть вылечили?

– А то! Еще как! В прошлом году «откинулась» отсюда и больше не приезжала. Говорят, уехала жить во Владивосток. Так что, тебе можно таить обиду, ты с «воли» пришла, а мне совестно, я здесь выросла. Я – человек благодарный. Просто пойми, Ульяна, не всегда и не все можно говорить в лицо. Проверено! Запомни, где бы ты ни находилась, не иди в общество со своими нравами и не старайся выделиться. Просто, как рыбка, тихо вклинься в общий косяк, а там судьба покажет, с ними ты или нет. В детдоме все точно так же. Да, ты, возможно, и умнее всех нас, но опыта выживания у тебя нет. А в жизни это гораздо важнее, чем ум!

Я молча сидела на скамейке и думала над словами Вероники. Ведь в чем-то она, наверное, была права...

– Согласен, – добавил Августов. – Девочка была умна не по годам. И тот факт, что она выросла без какой-либо поддержки в этом суровом мире, сыграл свою роль.

– Да, Захар Анатольевич. Она была права. Все хорошее или плохое, что мы узнаем о мире, мы узнаем от людей, которые нас окружают, – я на секунду задумалась и продолжила.

Мы посидели еще пару минут и снова двинулись к Лешке. Я решила вернуться к теме, с которой Вероника начала разговор:

– Так ты говоришь, что он тебе нравится? Ну, этот Дима?

– Да, но он даже не замечает меня. Я пару раз пыталась с ним заговорить, правда, ничего не вышло. Наверное, это потому, что он из «вольных», как и ты, а я – нет. Людям свойственно не замечать таких, как я, – ответила Вероника.

– То есть, как это из «вольных»? Какая разница? Все мы люди!

– Про таких, как ты с Алешкой, говорят «вольные», потому что вы пришли с улицы. Вот и Дима такой же. Его родители погибли в автокатастрофе, а родственников у него нет, поэтому сразу определили сюда, – пояснила она.

– И откуда ты только все знаешь, а? – удивилась я.

– У меня среди мальчишек есть друзья. Они-то мне все и рассказывают. Однажды ребята хотели наказать Диму за что-то и стали готовить заговор против него. Я точно не помню, в чем там дело было. Так вот, узнав про это, я пошла напрямую к главному «kozyрю» мальчишеской общаги – Игорю Пакесу, и попросила не трогать Диму. Пакес такой же местный, как и я. Мы знакомы с детства. Он всегда относился ко мне, как к своей сестренке. Игорь тогда выслушал меня внимательно и пообещал, что ребята не тронут Диму. Я не знаю, в курсе ли Дима о нашем разговоре с Пакесом, но все равно рада, что тогда уберегла его от неприятностей, – довольно улыбнулась Вероника.

– Вот так, Захар Анатольевич! Иногда обычная девчонка в старых сандалиях может уберечь мальчика от неприятностей. И этот малец может даже и не познал ее доброты. Порой мы не замечаем многого в жизни. В тот день я второй раз убедилась в том, что самое главное в людях – это душа и сострадание, умение оставаться человеком в любой ситуации.

Футбольное поле казалось мне огромным из-за ноющей боли в пятках. Я думала, что мы никогда не пересечем его. Вокруг поля были расставлены деревянные скамейки, а само оно было засеяно травой, которая только-только начинала пробиваться после долгой и холодной зимы. Самым ярким, что я увидела среди всей серости, были футбольные ворота, выкрашенные в ярко-желтый цвет.

Когда поле, наконец-то, закончилось, мы оказались у двухэтажного здания, идентичного нашему. Вероника уверенно открыла дверь и вошла внутрь помещения. Я, хромая, проследовала за ней. К нам тут же подошел мужчина средних лет, похожий на учителя.

– Вам чего, девочки? – спросил он.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович! Это моя подруга Ульяна. Мы пришли проводить ее младшего брата, – быстро проговорила Вероника.

– Понятно! Ну тогда подождите на улице. Я попрошу ребят позвать его. Как зовут-то мальчика? – спросил Дмитрий Александрович.

– Спиридонов Алексей, – ответила я. – Нас только вчера привезли.

– Хорошо, ждите на улице, девочки. Он сейчас выйдет, – в голосе мужчины почувствовалась строгость.

– Дмитрий Александрович работает у нас завхозом. Он очень строгий, но прислушивается к мнению Пакеса, – щебетала Вероника, пока мы шли к ближайшей скамейке.

Присев, я достала из кармана печенье, завернутое в двойной тетрадный лист. Тут я вспомнила наш разговор в каптерке:

– Вероника, ты сказала, что из печенья можно сделать торт...

– Да, а чему ты удивляешься? Ты не ела торт из печенья? – перебила она меня, вытаращив глаза.

– Нет, никогда не ела, – я растерялась. В моей прошлой жизни торты делали из специальных коржей, смазывали кремом и украшали розочками или шоколадной крошкой.

– О, это целая история! Слушай, каждый день нам дают по три печеньки к чаю во время завтрака. Я их не ем, а отношу в каптерку и складываю их в плотный мешочек. Ну, ты его видела сегодня. Я собираю печенье почти месяц, чтобы получилось больше семидесяти штук. Ты знаешь, что это почти килограмм? Потом я их достаю, мелко крошу, а крошки засыпаю обратно в мешочек. Только крошки я не храню долго, а достаю их на следующее утро. Обычно я подгадываю под воскресенье, так как в остальные дни учеба, и времени, чтобы спокойно полакомиться тортом, не хватает, – со всей серьезностью проговорила Вероника. – Самое главное в торте что? Правильно, на-чин-ка! С этим немного сложнее. Я знаю некоторых ребят, к которым еще кто-то приходит с улицы. Их очень мало. Ну, так вот, я иду к ним и прошу, хоть это иногда и унизительно, немного орешков или шоколадных конфет. Много не надо, только горсточку. Начинку можно сделать даже из фруктов. Но со мной не всегда делятся. Бывает, что я ем просто торт без начинки, залитый сладким чаем.

– Я не верю своим ушам, Вероника! Это все правда? – воскликнула я. Раньше я даже и подумать не могла, что на свете есть такие дети, которые копят печенье, чтобы в конце месяца сделать из него торт, залив крошки сладким чаем.

– А что здесь такого? Я совсем одна. Шоколадки мне носить некому. Вот и забочусь о себе с малых лет. Первый торт я сделала, когда мне было восемь лет! А один раз Пакес «подогрел» меня печеньями из Москвы, специальными такими. Он мне дал целых два килограмма! Ты представляешь? О, это был королевский торт! – Вероника широко улыбнулась своим воспоминаниям.

Вот так непринужденно она рассказала мне про свою жизнь и детство, лишенное даже самых простых детских радостей. Повторюсь, в стенах детского дома я поняла, что есть на свете такие дети, которые мечтают не о дорогой игрушке или модных вещах, купленных на родительские деньги, а о том количестве печенья, которого бы хватило на торт в конце месяца.

– Это очень грустно, Вероника! Но я поражаюсь тому, насколько у тебя огромное сердце! Честно! – я порывисто обняла ее за плечи.

– Нет, нисколько не грустно. Мы не теряем как его... м-м-м... – Вероника зажмурилась, вспоминая правильное слово.

– Оптимизма? – подсказала я.

– Во! Точно! Всегда забываю это «иностранное» слово! – сказала она с сарказмом. – Мы не теряем оптимизма! Кстати, скоро я приглашу тебя на торт!

Вероника была изумительно смелой и добродушной девочкой. Складывалось такое ощущение, будто бы рядом со мной сидит выдавшая виды, битая жизнью женщина лет сорока. Хотя моей детдомовской подружке было всего тринадцать лет.

Мои размышления прервал звук открывающейся двери. На пороге появился Лешка. Едва я успела подняться со скамейки, как он с разбега обнял меня. Прижав к себе, я гладила его по спине, чувствуя, как он всхлипывает. В этот миг весь мир словно замер. Мы бы простояли так еще долго, если бы не Вероника:

– Ну ладно, вы поговорите, а я тебя на стадионе подожду.

– погоди, – я остановила ее, – Познакомься, это Алексей – мой младший брат. Леша, а это – Вероника. Мы с ней познакомились сегодня утром и сразу подружились.

– Слушай, Лешка, – присев на корточки сказала Вероника, – Если тебя кто-то обидит, скажи, что ты брат Веронички-Банзайки, так тебя никто не тронет.

– Как ты сказала? Банзайки? – удивленно переспросила я.

– Да. Это меня так пацаны называют, я одна такая здесь! – рассмеялась она.

– Хорошо, – робко кивнул Лешка.

– Тебя никто не трогал? – грозно спросила она.

– Не-а, но, если обидят, обязательно скажу, что я – братик Банзайки, – совершенно серьезно ответил он.

– Ну, все, вы тут пообщайтесь, а я побуду на стадионе, – Вероника пошла в сторону стадиона.

– Я поговорю и догоню тебя.

– Мне здесь плохо, – вздохнул Леша. – Я хочу домой, к маме. Я очень соскучился.

Его глаза были такими грустными, что мне захотелось сделать все, лишь бы он вновь стал веселым и озорным мальчиком. Я понимала, что потерять в десять лет маму, родной дом – одна из самых больших трагедий для ребенка. Да что говорить, это было и моей трагедией. Но я знала, что сейчас, несмотря на рвущиеся изнутри слезы и крик, мне нужно было собрать волю в кулак, найти слова, которые помогут ему стать смелее и принять происходящее.

– Алешка, никогда не забывай, что ты будущий мужчина! Мамы с нами не будет еще долго. Но она обязательно к нам вернется! Зато у тебя есть я, и мы вместе с тобой все переживем. Ты должен научиться постоять за себя, вырасти смелым и умным мужчиной. Ведь ты наш с мамой защитник. Мы же говорили с тобой на эту тему. Обещай мне, что никогда не будешь грустить, – глотая слезы, говорила я.

Леша внимательно посмотрел на меня и почему-то прошептал:

– Только бы мама там не болела...

– Мы будем молиться, чтобы она не болела. Это очень просто, Лешенька. Когда будешь ложиться спать, закрой глазки и шепотом произнеси: «Господи! Спасибо тебе за пищу и здоровье, что даешь мне и моим родным сегодня. Пусть мама моя никогда не болеет, пусть живет долго. Прости ей все ее грехи». Запомнил?

– Да, Улечка, запомнил. Только можно мне добавить и твое имя туда? Ведь тебя я тоже люблю.

– Конечно, можешь, милый, – я поцеловала Алексея в щечку.

– Уля, а почему папа не захотел нас забрать к себе?

Ответить на этот вопрос было сложно.

– Не знаю, Леша. Он человек занятой. Наверное, у него много работы. Вот вырастишь и спросишь у него сам!

Я передала сверток с печеньями и ирисками брату, проводила его до двери и пошла в сторону стадиона. Там на скамейке меня ждала Вероника. Она смотрела на многоэтажные дома, виднеющиеся из-за высокого забора, который растянулся по всему периметру детского дома. Тогда этих домов было не так много. Я подошла и молча села рядом.

– Уля, как ты думаешь, – обратилась она ко мне, – Они смотрят на нас сейчас? На двух девочек, одиноко сидящих на старой скамейке?

– Кто они? – непонимающе спросила я, глядя туда, куда был направлен ее взгляд.

– Дети, которые живут вон в тех домах, и их родители, – Вероника кивнула в сторону жилых домов.

– Не знаю, – я пожала плечами, хотя ее вопрос меня удивил.

– Они не смотрят на нас. Потому что у них другая жизнь и другой мир. На самом деле, им нет никакого дела до нас и до того, как мы живем. У них и так полно забот. Когда я сижу здесь и кушаю торт, всегда смотрю на эти дома, на окна, в которых горит свет. На бельевые веревки с развешанными после стирки вещами. Иногда под вечер видно, как на кухне чья-то мама готовит что-то, наверняка, очень вкусное, а дети играют... Это прекрасно. Бог миловал их, – размышляла Вероника.

– А причем здесь другой мир? Ты же про эти дома спросила, – не поняла я.

– Эти дома и есть другой мир, Уля. Там за забором, в этих домах, есть беззаботное детство, а здесь его просто нет. Детский дом – это маленькая страна со своими законами и лидерами. Мы совершенно разные и не похожи на тех, кто живет за «забором». У нас здесь все

по правилам: подъем, отбой, завтраки, уроки... Ты знаешь Ульяна, что я больше всего ненавижу?

– Нет, Вероника, не знаю...

– Больше всего я ненавижу, когда ровно в семь утра открывается дверь, и я слышу голос дежурной по коридору со словами «Подъем!». И все, что ты видел во сне, в один миг растворяется. А ты должна зимой и летом подниматься с постели по стойке смирно и со страхом заправлять кровать по ниточке, чтобы не попало тебе и всем остальным. Вот это и отличает нас от тех домов. У них есть свобода.

– Но ты ведь сама говоришь, что здесь иногда хорошо.

– Да, я не отрицаю своих слов. Наверное, потому что мне просто не с чем сравнить... С одной стороны, мы проходим хорошую школу жизни, а с другой, как же жалко, что у нас не было настоящего детства в семье, с родителями. В какой-то момент даже начинаешь винить детский дом, а потом, с годами, понимаешь, что он ни при чем. Виновата судьба. А она – «штука», не разгаданная еще до конца! Эх, ладно... Не хочу говорить на эту тему!

Печальный вид Вероники резко сменился улыбкой. Она вскочила на нашу скамейку и стала размахивать правой рукой в воздухе, словно держа невидимую кисть и рисуя что-то над моей головой.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Я рисую твоё небо... и облака в нём, – смеясь и пританцовывая, ответила она. Затем, остановившись, посмотрела на меня и спросила:

– Глупышка, разве ты не знала?

– Нет, не знала. При чем здесь моё небо? Облака? Разве у нас не общее небо? – я все еще не понимала, о чем она говорит.

– Когда мне грустно, я рисую небо, но не простое, а беззаботное, мирное, и города под ним, где нет детских домов. В моих городах все дети живут в полных семьях. А небо над головой... Оно у каждого свое. Как и судьба. Оно не может быть общим или повторяющимся. Потому что у каждого из нас своя дорога. Только иногда эти дороги пересекаются. Я думаю, что все предначертано заранее. Самое главное – надо всегда уметь ждать, – Вероника закончила свою поучительную речь и снова стала кружиться, рисуя рукой в воздухе силуэты всего перечисленного.

Сделав аккуратно еще несколько кругов вокруг себя, она плюхнулась на скамейку без сил. Я крепко прижала ее к себе. В тот день я поняла, что эта девочка навсегда вошла в мою жизнь и еще сыграет в ней свою роль.

– Я хочу есть. Мы ведь не обедали, – пожаловалась она.

– Все! Пойдем, покушаем, милая, надеюсь, что-нибудь осталось в столовой, – встав со скамейки, мы пошли в сторону нашего корпуса.

Вот так и началась моя короткая жизнь в этом детском доме. Как ни странно, Маша-Глыба и ее шестерки больше не беспокоили меня и Веронику. Хотя за спиной я всегда чувствовала их ненавидящие взгляды. Я научилась по ниточке заправлять постель, не перечить директрисе и никому вообще, всегда улыбалась и старалась избегать конфликтов. И это работало. Мне даже стало казаться, что работники детского дома были добрее. Наверное, потому что благодаря Веронике я поняла, что есть такие люди, с которыми лучше не ссориться, а просто промолчать. Это было маленькое общество, где я не хотела выделяться. Мне нужно было просто жить, искать в этом обществе что-то хорошее для себя, Алексея и Вероники.

Кстати, я тоже научилась экономить печенье и делать из него торт вместе с Вероникой, чтобы иногда радовать себя и Лешку. Временами к нам приходила тетя Зина. Она рассказывала, как идут дела, что нового там, на «воле», новости про маму и приносила всякой вкуснятины, которую после ее ухода мы с Вероничкой и Лешкой с удовольствием лопали на стади-

оне. Леночка тоже периодически навещала меня. Одним словом, жизнь шла своим чередом, я постепенно начала забывать о том кошмарном дне, когда начались наши с Алексеем трудности.

Спустя два месяца нашего пребывания с Алексеем в детском доме к нам приехала тетя Зина. Она сообщила о том, что в скоро начнется суд и еще, что отец Леночки попросил Викторию Сергеевну отпустить меня в день оглашения приговора мамы. Я была благодарна семье Жевнаренко за помощь, которую они оказывали мне и, как потом выяснится, моей маме.

Глава 3

Твоя мать убийца!

В ночь на тридцатое мая 1976-го года я почти не спала. На следующий день маме должны были вынести приговор. На дворе еще стояли сумерки, а я уже окончательно проснулась и сидела на кровати. Еле дождавшись подъема, я вскочила, заправила кровать, переоделась и, вместо того, чтобы отправиться на завтрак, помчалась в кабинет Виктории Сергеевны. Оказалось, что ее не было на месте. Я прождала около кабинета почти полтора часа, пока она не появилась. Увидев меня, Виктория Сергеевна сказала:

– Ну, чего ждешь? Иди, давай! На воротах я предупредила, тебя пропустят.

– Спасибо большое, Виктория Сергеевна! – обрадовалась я.

– Да не за что, понимаю, – ответила она без лишних эмоций. – Только имей в виду, что к вечеру ты должна вернуться! Не хватало еще мне по башке получить из-за тебя!

– Обещаю, я вернусь!

– Ну все, беги, чертовка! – мне показалось, что она улыбнулась.

В это мгновение все мои обиды развеялись. Вероника была права. Надо просто уметь ждать. В то время отпустить меня за пределы детского дома было рискованно для карьеры Виктории Сергеевны, но учитывая, что был звонок от генерала Жевнаренко, она была смела в этом решении.

Выскочив за ворота, я побежала в сторону своего дома. Впервые за несколько месяцев я вновь увидела город снаружи. Все было по-прежнему, ничего не изменилось: люди торопливо шли на работу, дети – в школу. В воздухе чувствовался аромат запоздалой сирени... А я бежала, наслаждаясь свободой, пусть и временной.

От детского дома до улицы, на которой мы жили, расстояние было приличным. Временами я останавливалась, чтобы перевести дыхание, а затем снова бежала. Мне хотелось поскорее попасть домой и остаться там навсегда, не возвращаться в детский дом. Но там был Алешка, а бросить его я не могла.

Впопыхах я даже не заметила, как добежала до своей улицы и остановилась у калитки тети Зины. Через минуту я уже судорожно стучала по ней до тех пор, пока она не подошла к окну. Увидев меня, тетя Зина бросилась отпирать дверь.

– Ой, Ульяночка! Ты что ли? – воскликнула она и сразу же крепко обняла меня.

– Я! Здравствуйте, тетя Зин! Мы успеем? Не с утра надеюсь?

– Успеем! – успокоила меня она. – Отпустила-таки тебя змеюка Сергеевна! Ох, как же тяжело ее было уговорить мне и отцу твоей подруги, но человек же она все-таки! Ты проходи скорее!

– Отпустила только до вечера, – уточнила я, усаживаясь на стул рядом со столом, на котором тетя Зина делала пирожки с рисом и яйцами.

– Маме твоей напеку. Пусть наестся вдоволь. Бог знает, куда ее этапом-то отправят. Я вон ей еще чай черный, папиросок, леденцов купила, – тетя Зина на секунду замолчала, задумалась, – еще белье хэбэшное, теплое, носков побольше. Это самое главное на зоне. У меня отец сидел, я с детства знаю, как собирать на этап. Еще она попросила парочку ваших с Лешкой фотографий. Хотя я не знаю, пропустят ли сегодня вещи, но мы попытаемся. Ну а если нет, то пронесем передачкой.

Я посмотрела на большую сумку, которую собрала тетя Зина, и заплакала. Принять факт, что маму отправят в исправительную колонию, и увижу я ее нескоро, было сложно. Тетя Зина бросила тесто и принялась меня утешать:

– Ну что ты, Уляша! Она ведь живая, помирать не собирается пока. Пойми, золотко, время быстро пролетит, не успеешь ты и глазом моргнуть, как она вернется домой. Вот увидишь! – слова успокоения не действовали на меня.

– Я до сих пор не могу поверить в то, что все это произошло с нами!

– Уляша, трудности – это испытание, которое нужно пройти достойно. Учись. Это жизнь, милое мое дитя, – тетя Зина изо всех сил старалась меня подбодрить.

Немного успокоившись, я стала помогать ей с пирожками. Когда они были налеплены, я решила зайти к себе домой, переодеться. До начала суда еще было время.

Мы жили рядом, калитка у нас была общая, хотя другие соседи уже вовсю строили заборы между домами. Мама как-то сказала: «Заборами не закроешь человеческое тепло, в нашем дворе они не нужны». Открыв дверь, я вошла внутрь. В доме было чисто, видно, что тетя Зина частенько убиралась здесь. Переодеваясь, я боковым зрением заметила, что на меня снова смотрит та женщина в черном. Я резко обернулась, но никого не увидела. Это было мое воображение, но, тем не менее, по коже побежали мурашки. Перекрестившись, я продолжила одеваться. Выходя из своей комнаты, я заметила, что по углам расставлены иконы со свечками. Меня это удивило. Вернувшись к тете Зине, я с порога поинтересовалась, почему в нашем доме расставлены свечи и иконы.

– Ну, знаешь, Уляша, во-первых, это для наших дедов и бабушек, за упокой их души! А, во-вторых, померещилось мне пару раз, что у вас в доме нечисть какая-то ходит в черном. Вот я и решила поставить иконы светлоликие и свечи.

– То есть, как это?

– А вот так! В первый раз это было вечером, то ли десять, то ли пол одиннадцатого по времени. Я сидела и читала у окна. Часом ранее я заходила к вам, поставила свечи. Вдруг, что-то грохнуло у вас на лестнице, было темно, я решила, что мне померещилось, поэтому не придала значения. Буквально через пару минут, отвлекшись от книги, я посмотрела в сторону ваших окон и заметила, что свечи потухли. «Сквозняк что ли?» – подумала я. Надев фуфайку, я вышла во двор, отперла ключами дверь, как вдруг оттуда повеяло холодом. В углу зала я увидела силуэт в черном. Честно говоря, Уляночка, я испугалась и сразу же вышла обратно. В ту ночь мне не спалось, я все поглядывала на ваши окна, но, слава Богу, все обошлось. На утро, когда стало посветлее, я набралась смелости и вошла в ваш дом, скрепя сердцем, прошлась по комнатам и увидела, что окно в вашей комнате было открыто нараспашку. И тут я поняла, откуда сквозняк в доме, и свалила причину потухших свеч на него.

– А второй случай?

– А второй не такой уж и значительный. На днях я шла поздно домой. Вдруг вижу, тень в черном прыгает в кусты к нам. Я испугалась, не то человеческий силуэт, не то на какое-то чудище похоже. И когда я уже приблизилась, то никого не увидела. Чертовщина какая-то. Вот и решила, пусть иконки осветят дом.

От услышанного меня бросило в жар. Я вспомнила ту женщину в черном, которую увидела при въезде в детский дом. И сегодня она мне показалась. От погружения в раздумья о том, кто это может быть, меня отвлекла тетя Зина, которая сказала, что пора собираться.

В час дня мы уже стояли у входа в здание суда. Полчаса спустя на территорию заехал автозак.

– Ну, все, привезли, – вздохнула тетя Зина. – Идем.

Мы прошли в коридор. В руке я держала сумку с вещами и продуктами. Мы встали около двери и стали ждать, когда выйдет секретарь и пригласит нас на слушание. В коридоре было много народа. Я стояла и смотрела на людей, которые ходили туда-сюда. Неожиданно на меня набросилась какая-то женщина.

– Ах, ты дрянь! Твоя мать – убийца! Вы за все заплатите! Гори ты и твоя семья синим пламенем! Будьте вы прокляты! – прокричала она.

От испуга я выронила сумку. Казалось, что сейчас она ударит меня. За ней стояла какая-то девушка и, закрыв лицо руками, плакала навзрыд. Вдруг этой девушке стало плохо и женщина, оглянув меня злобным взглядом, повернулась к нам спиной и вместе с ней вышла из здания.

– Не обращай внимания, все пройдет, – сказала тетя Зина и обняла меня. Тут вышла секретарь и сказала, что мы можем пройти в зал заседаний.

– Подождите, Ульяна Андреевна, простите, что перебиваю вас. А кто набросился на вас? – спросил Августов, нарушив свое молчание.

– Позже я узнала, что это были бывшая супруга Ларина – Юлия и их дочь Евдокия, – ответила я. – Кстати, на заседании суда их не было. Они ушли.

– Хорошо, – он сделал пометку в своем блокноте.

В зале еще никого не было. Мы прошли и сели на скамью сразу у входа. За пару минут до начала суда конвоиры завели маму и посадили за ограждения. Я не выдержала и бросилась к ней, схватила ее за исхудавшие руки и заплакала. Мама тоже тихо плакала, крепко сжимая мои ладони. Как же это больно, когда ты не можешь обнять любимого человека. Хочешь прижаться, а чувствуешь, как жесткая перегородка впивается в грудь, разделяя вас. Один из конвоиров оказался понятливым и, после досмотра сумки, разрешил передать вещи сразу. За это тетя Зина угостила его пирожками. Помню его счастливое лицо, когда он их увидел. Я благодарна ему за то, что он дал мне возможность обнять маму. Но это продлилось недолго. Зал потихоньку стал заполняться людьми.

– Проходите на свои места, – строго сказала нам секретарь суда.

Мы послушно сели на скамью. Я хорошо помню, как дрожали мои руки, а тетя Зина тихонько плакала. Вошел судья, и все встали. Я с трудом поднялась с места. Ноги стали ватными от одной мысли, что сейчас маме вынесут приговор и отправят за тысячи километров от родного дома и нас с Лешкой в исправительную колонию. Для меня происходящее была сравнимо со смертью. Я не могла самостоятельно держаться на ногах, и тетя Зина все время поддерживала меня. Но это не помогло, не выдержав, я присела на скамейку. В этот момент меня увидела секретарь, которая внимательно оглядела всех присутствующих. Задержав взгляд на мне, она сделала замечание:

– Девушка, вы находитесь на судебном заседании и обязаны встать, когда в зал заходит судья.

Не знаю почему, но ее слова действовали на меня, как спусковой механизм. В памяти всплыл тот проклятый вечер, когда покойный Ларин приставал ко мне, ночной разговор с мамой, которая пожертвовала своей свободой, вступившись за мою честь. Я больше не могла спокойно реагировать и закричала:

– Послушайте! Она не виновна! Вы слышите? Моя мама не виновна! Это из-за меня она сидит за решеткой. Она не заслужила такой участи! На самом деле все было не так, как она говорит!

Присутствующие в зале стали переглядываться и перешептываться между собой. Кто-то стал высказывать свое возмущение в голос. Судья стукнул молотком и, прищурившись, спросил:

– Тишина в зале суда! А как же все было на самом деле?

– Мама убила Ларина из-за меня! В тот злополучный день он хотел изнасиловать меня. Но тетя Зина успела вмешаться и ничего не произошло. Вы слышите меня? Моя мама не виновата! – меня трясло.

Впервые я высказала все, что столько времени не давало мне покоя. Мама вскочила с места, начала ругать меня и просить, чтобы я прекратила говорить ерунду. От разговоров и перешептываний зал стал похож на пчелиный улей. Прокурор встал и вынес протест. Судья его отклонил. Адвокат мамы, полноватая женщина средних лет, даже не подошла ко мне, она

сидела молча, опустив глаза. Хотя мне казалось, она должна уцепиться за мои слова, ведь они меняли ход дела. Судья тем временем обратился к тете Зине:

– Правда ли все то, о чем сейчас говорит дочь обвиняемой?

Тетя Зина медленно поднялась со скамейки, посмотрела на мою маму, глаза которой умоляли, что не нужно рассказывать о том, как все было на самом деле. Она переживала за мое будущее. Но тетя Зина крепко взяла меня за руку и, вопреки обещанию молчать, заговорила:

– Да, все, что сказала Ульяна, чистая правда.

Зал снова загудел, некоторые стали оборачиваться ко мне и задавать какие-то вопросы, суть которых я уже не вспомню. Это продолжалось до тех пор, пока судья снова не ударил молотком.

– Как вы подтвердите правдивость ваших слов? – обратился он к тете Зине.

– Алексей, сын Иры, прибежал ко мне домой запыхавшийся и сказал, что Костя, ее сожигатель, на кухне мучает Ульяну. Я помчалась к ним. Когда вбежала, увидела, как он зажимал девочку. Недолго думая, я схватила скалку, которая лежала на холодильнике, и с размаху ударила его по спине и еще попала по лицу.

– У вас зафиксирован этот факт? – спросил судья, обращаясь к прокурору.

– Разумеется, уважаемый судья. Заключение судмедэксперта приобщено к делу. Удар был нанесен за несколько часов до убийства. И к тому же, да, я подтверждаю, губа у убитого была рассечена. Но, как утверждает подсудимая, удары были нанесены ей самой. А теперь выходит, что соседка, гражданка Фомина Зинаида Михайловна, переходит в статус соучастницы, – прокурор сверкнул взглядом.

– Прошу вас прекратить! – судья был явно раздражен его поведением. – Если бы не гражданка Фомина, то убитый изнасиловал девушку. Кстати, сколько вам лет? И как ваше имя? – обратился он ко мне.

– Меня зовут Ульяна, – растерянно ответила я, теребя в руках носовой платочек, – Ульяна Спиридонова. Мне шестнадцать лет.

– Садитесь, гражданка Спиридонова. Суд удаляется на совещание! – сказал судья.

– Что же ты наделала, дурочка! – причитала мама.

– Ваша честь, я протестую! Что вообще в зале суда делает ребенок из детского дома? В данный момент дочь подсудимой должна находиться в учреждении на занятиях, – возмутился прокурор.

– Протест отклонен. С моего устного разрешения Ульяна Спиридонова находится здесь, – ответил ему судья, хотя это было ложью.

Я сидела, опустив голову, и плакала. Меня не переставало трясти...

– Знаете ли, Захар Анатольевич, тот день навсегда остался в моей памяти, – сказала я.

– Такое случается и это нормально, Ульяна Андреевна. Не останавливайтесь, продолжайте свой рассказ, пока я сам вас не попрошу, – ответил Августов.

– В тот день мне казалось, что судья был на нашей стороне. Уже спустя годы выяснилось, все было непросто. Ситуацию контролировал папа Лены Жевнаренко, Владимир Петрович, тот самый фронтовик, генерал, бывший заместитель министра обороны и действующий на тот момент военком нашего города. В тот день, судья, к сожалению, я не помню его фамилии, в совещательной комнате позвонил именно ему и рассказал о моем признании. Но Владимир Петрович дал указание, чтобы дело оставили как есть. Знаете, закрыть дело при вновь открывшихся обстоятельствах может не каждый смелый судья. Спустя долгие годы я поняла, что у него было всего два выбора и, к сожалению, не было своего. Ему оставалось либо принять сторону генерала, либо судьи Лариной, сестры убитого. Он выбрал первый вариант. Суд продолжался около двух с лишним часов: вызывали судмедэкспертов, каких-то очевидцев, понятых. Словом, все было так, как и должно быть. Судья огласил приговор. Маме дали двенадцать лет.

– Много, – высказался Августов.

– Много. Но могло быть больше. Срок дали минимальный, несмотря на то, что преступление было квалифицировано как жестокое и преднамеренное убийство – ответила я. – Захар Анатольевич, с вашего позволения, я хотела бы немного перевести дух. Все эти воспоминания детства даются мне очень тяжело.

– Конечно, Ульяна Андреевна! Я сейчас открою окошко, – Августов подошел к окну и, отодвинув жалюзи молочного цвета, распахнул его.

Я спросила, можно ли мне закурить, на что он любезно ответил:

– Да, конечно! Курите. Я сейчас подам вам пепельницу.

Я подошла к окну, оно выходило во внутренний дворик, оперлась о подоконник, прикурила сигарету и продолжила свой рассказ. Августов же встал напротив, скрестив руки на груди.

От переполнявших меня чувств и услышанного приговора я потеряла сознание. Очнувшись уже в коридоре. Надо мной стояла тетя Зина и протирала мне лицо влажным платком.

– Где мама? – чуть слышно спросила я.

– Ее уже вывели из зала суда, Улечка, – ответила она.

– Я хочу ее видеть!

– Деточка, теперь ты ее увидишь только на положенном свидании. Моли Бога, чтобы ее не отправили очень далеко, – вдруг осеклась она.

– Я не могу, – слезы снова подкатили к глазам. – Понимаете, она взяла обещание с меня не посещать колонию...

– А ну тогда письмами... – вздохнула Зинаида Михайловна, не став расспрашивать, почему мама приняла такое решение.

Это был последний день, когда я видела маму. Наша следующая встреча состоится только через одиннадцать лет.

Несмотря на данное Виктории Сергеевне обещание, вернуться в детский дом сразу после суда, я сначала отправилась домой. Родные стены немного успокаивали, мне не хотелось покидать их. Но нужно было идти, иначе мое опоздание могло обернуться проблемами не только для меня. Собрав кое-какие вещи, я достала тайник с деньгами, которые копила на учебу. Открыв коробочку, я пересчитала их. Помню, там было сто семьдесят рублей. По тем временам – приличная сумма. Я взяла пять рублей, а остальные положила обратно в коробочку и спрятала ее.

На улице вечерело, мне нужно было поторопиться. Выйдя из дома, я пошла к тете Зине, чтобы отдать ключи и попрощаться. Она сидела на крыльце своего дома.

– Уходишь? – спросила она.

– Не хочу уходить, тетя Зина. Но меня ждут в детском доме. Да и Лешка не знает ничего. Я ушла, не предупредив его. Не хотела расстраивать раньше времени. Иначе он стал бы проситься со мной, – ответила я.

– Ты правильно сделала. Зачем еще его травмировать. Он и так, бедняга, переживает, – сказала тетя Зина.

– Все так резко поменялось в нашей жизни... к сожалению.

– Да, Ульяночка, судьба наша любит преподносить сюрпризы. Знаешь, мне так больно смотреть на ваш пустующий дом. Ведь совсем недавно там была Ира, бегали вы – мои любимые детки, которых я пеленала и растила. Как же все это несправедливо! Но, все дальше не буду ничего говорить, а то вконец разрыдаюсь с тобой! Я уверена, что в вашей жизни еще все поменяется в лучшую сторону. А теперь, все, беги девочка моя! – тетя Зина улыбнулась мне.

Я обняла ее, поблагодарила за все и вышла со двора. По дороге я зашла в магазин, где мы раньше всегда покупали продукты. На удивление продавщица обрадовалась моему появлению. Я почему-то ожидала другой реакции, но не зря говорят, что все люди разные. Она не стала меня ни о чем расспрашивать, за что я была ей благодарна. Купив два килограмма печенья,

килограмм зефира и конфет для Алешки и девчонок, я вышла из магазина и обернулась, чтобы еще раз посмотреть на свой дом. Он был похож на все остальные: старая железная крыша ржавого цвета, небольшое крыльцо, бирюзово-зеленая калитка. Рядом с ним росла орешина, посаженная моим дедом, зеленые кусты самшита – все это было таким родным и прекрасным... Со временем я поняла, кем бы ни становился человек в этой жизни, он всегда нуждается в горсточке земли из огорода родного дома или запаха стен. Это заложено в нас с рождения.

Дойдя до дороги, которая вела к детскому дому, в сумерках я увидела знакомую фигуру. Это была Виктория Сергеевна. Я поняла, что она пришла за мной.

– Ульяна, мы так не договаривались! Время позднее. Посмотри, как темно на улице! – казалось, ей было совершенно наплевать на то, что сегодня моя прежняя жизнь разрушилась окончательно.

Я понимала, что никакой вины Виктории Сергеевны во всем произошедшем нет. Она была ответственна за меня, а потому так строга. Взяв себя в руки, я спокойно ответила:

– Простите, Виктория Сергеевна. Вы искали меня? Суд закончился очень поздно. А еще я вот зашла в магазин, набрала детям сладостей, – попыталась оправдаться я.

– Я все знаю уже. Двенадцать лет не малый срок, но ведь могли дать от пятнадцати до двадцати. Так что будем считать, что все не так уж плохо, Ульяна, – ее голос чуть смягчился. – Самое главное, что мама жива, она есть и обязательно вернется к вам. Все остальное образуется.

– Спасибо, Виктория Сергеевна, хотя мне до сих пор тяжело, думать об этом.

– Давай сюда свои пакеты. Водителя я отпустила, придется нам идти пешочком. Я помогу тебе донести, – сказала она и взяла у меня часть пакетов. – Это все детям? – в ее вопросе чувствовалось удивление.

– Да, это сладости для Вероники, Лешки и остальным, по возможности, – кивнула я.

– Добрая ты душа, Ульяна. Я заметила это в самом начале. Ну что ж, осталось немного, и ты поедешь покорять Москву? Уговорить комиссию при Горисполкоме было сложно. Скажу откровенно, если бы не Жевнаренко, то не видать тебе в этом году мединститута, как своих ушей.

– Да, я знаю. Их семья всегда помогала нам. И мы с Леной очень крепко дружим. Да и вам спасибо, Виктория Сергеевна, – ответила я.

– Да не за что. Знаешь, почему я люблю свою работу? – неожиданно спросила она.

– Нет, – ответила я.

– Я выросла по советским меркам в благополучной семье. Отец всю жизнь работал инженером на местной фабрике, а мама – в больнице старшей медсестрой. У меня есть сестра, зовут ее Владислава. Она сейчас живет в Москве. А вот я, окончив музыкальное училище, по распределению попала в этот детский дом. Мне было всего лишь двадцать три года. Меня взяли учителем музыки. Дети тогда были совсем другие, хотя ты знаешь, каждое поколение детей – другое. Многие из моих учеников поступили в музыкальные училища, добились определенных высот. И это меня очень радует. Потом я вышла замуж и ушла в декрет. После рождения ребенка вернулась на работу, но мое место было уже занято. Тогда меня приняли старшим методистом, чуть позже я стала заведующей учебной частью, а потом и до директора доросла. Да, временами я бываю очень строгой, но в моей работе это необходимо. Только так можно сохранить порядок и воспитать достойных людей, которые займут хорошее место в жизни... С другой стороны все эти годы я задаюсь одним и тем же вопросом: почему родители оставляют своих детей? Как их сердце выдерживает это? – Виктория Сергеевна вдруг замолчала на мгновение и снова продолжила: – Вот возьми, к примеру, девочку, с которой ты дружишь, Веронику. Наверное, она тебе рассказала, что ее месячной, оставили на пороге дома малютки? Представляешь, она лежала в легком байковом одеяльце на холодных ступенях в лютый декабрьский

мороз. Это хорошо, что сторож вовремя услышал ее плачь. Прележи она еще часок, было бы обморожение и трагедия. Ее едва спасли тогда.

– Да, Вероника рассказывала мне, что ее подкинули.

– Ну вот, а обещала никому не говорить. Значит, тебе она доверяет полностью.

– И за столько лет к ней никто не приходил? – поинтересовалась я.

– К сожалению, нет, – ответила директриса. – Ко многим детям никто и никогда не приходит, это печальный факт.

– А почему ей дали фамилию Ким и назвали Вероникой?

– Если родители оставляют детей без всяких опознавательных знаков, то имя и фамилию дают в доме малютки. Ну и Веронике дали такую фамилию из-за разреза глаз, сочтя ее корейкой, хотя она может быть и буряткой. Ведь дело-то ни в национальности, ни в имени, а в том, чтобы человек вырос достойный и не повторил ошибок своих неизвестных родителей.

– А бывают случаи, когда родители возвращаются и забирают детей обратно?

– Конечно, бывают. Все не без греха, но не все дети принимают их обратно. Обычно прощают своих родителей малыши до десяти-одиннадцати лет. Тем, кто постарше, сложно справиться с обидой. Они прекрасно понимают, что предавший один раз может сделать это снова. Как говорила одна моя выпускница: «Если мать отдала своего ребенка в чужие руки, то это беда в ее судьбе». Для меня самый страшный человек, это тот, у кого все в порядке со здоровьем, деньгами, но он все равно оставляет своего малыша на попечение государства. Поверь, страшнее нет людей.

– Почему? – спросила я.

– Потому что, у них нет сердца! А если нет сердца, значит, нет и сострадания, а если нет сострадания, то это не живой человек.

– Она была права, Ульяна Андреевна. Вернемся на наши места? – предложил Августов, заметив, что я потушила сигарету в пепельнице.

– Да, конечно, – ответила я.

Устроившись поудобнее и, дождавшись пока Августов проделает то же самое, я продолжила.

Глава 4

Дети – это целая Вселенная!

В тот день мы поздно вернулись в детский дом. Все уже спали. Я убрала пакеты со сладостями под кровать и прилегла. Мысленно я вновь вернулась в события сегодняшнего дня и, уткнувшись лицом в подушку, расплакалась. Вдруг я почувствовала, как кто-то погладил меня по плечу. Я резко подскочила и увидела маленькую девочку лет шести. Она села рядом со мной на кровать и, обхватив мою руку своими маленькими пальчиками, крепко сжала ее.

– Моя мама говорит, что слезы – это частички души, и плакать надо в тишине, – пролепетала она.

Я погладила ее по голове и спросила:

– Как тебя зовут?

– Мария, я новенькая, – ответила девочка.

Она была совсем крохой. От нашего диалога проснулась Вероника.

– Я думала, ты не вернешься, – она потерла глаза. – Как ты?

– Не спрашивай, пожалуйста, – вздохнула я.

– Я, конечно, не росла с мамой и не была на твоём месте, но мне очень жаль, Уля, – тихо проговорила она.

Я не знала, что ответить. Мне было тяжело, что я потеряла маму, но Веронике было нелегче – она не знала своих родителей вообще. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я достала из-под кровати пакет со сладостями и предложила их девочкам.

– А давайте пойдем на стадион, – предложила Вероника, запихивая в кармашки Марии зефир и печенье. – Держи, съешь потом. Таких у нас здесь нет!

Мария молча кивнула Веронике, похлопав по кармашкам, набитым сладостями. Она еще толком не понимала, куда попала, что ожидало ее в будущем. Через мгновение глаза Марии наполнились слезами и она, взглянув на меня, жалобно произнесла:

– Я хочу к маме с папой...

– Ульяна, бери ее и идем! А то она начнет плакать и всех разбудит, – строго проговорила Вероника и тут же, приблизившись ко мне, тихо сказала на ушко: – У нее родители погибли в автокатастрофе, как у Димы. Я сегодня услышала. Но ей почему-то не говорят об этом. Хотя может это и правильно! Она только и делает, что плачет...

– А вдруг кто-нибудь заглянет сюда в спальню? – после сегодняшнего разговора с Викторией Сергеевной мне было как-то совестно нарушать правила. Мария тихонько всхлипывала, стоя рядом со мной.

– Ну, ты даешь! Уложи на кровати подушку и одеяло так, чтобы подумали, что ты спишь. Ты же знаешь, что дежурная дрыхнет всю ночь, – хихикнула Вероника.

– Ты пойдешь с нами прогуляться? – спросила я Марию. Малышка согласно кивнула в ответ.

Мы быстро соорудили на кроватях муляжи и потихоньку вышли в коридор. Мария крепко держала меня за руку, а Вероника вела нас вперед. В углу коридора мирно дремала дежурная Никитична. Время было уже за полночь. Осторожно на цыпочках мы прошли к лестнице служебного входа. Спустившись по ней на первый этаж и, убедившись, что там никого нет, выскочили на улицу. Я подняла Марию на руки, так как она едва поспевала за нами.

Над стадионом стояла абсолютная тишина: необъятное небо, полное звезд, и легкая прохлада. Мы уселись на нашей скамейке и первые несколько минут сидели молча. В тот миг каждый думал о своем. Я о том, как все объяснить Лешке и куда отправят маму отбывать срок.

Вероника, наверное, думала о том, кто ее родители. Мария же хрустела печеньем, сидя у меня на коленях.

– Звезды – это вечность, – вдруг сказала Вероника, достав из кармана зефир. Откусив кусочек, она с удовольствием съела его. – О-о-о... Я такой никогда не пробовала! – по ее лицу было видно, что она испытывает истинное наслаждение.

– Кушай на здоровье! Я всегда вам буду отправлять и зефир, и шоколад и все, что захотите, – улыбнулась я ей.

– А мне? – тихо спросила Мария.

– Ну, конечно! И тебе тоже, – я тихонько шелкнула ей по носику.

Тогда я и подумать не могла, что маленькая Мария с пухлыми розовыми щечками и золотыми кудрями сыграет интересную роль в моей жизни, задержавшись в ней на долгое время. Вероника тем временем залезла на соседнюю скамейку и начала рисовать рукой в воздухе. Смеясь и пританцовывая, к ней присоединилась Машенька. Глядя на них, я тоже поднялась со скамейки и стала рисовать звездное небо и города...

– Сегодня я рисую твоё небо, – весело произнесла Вероника, глядя на маленькую Марию. Та рассмеялась, ей было хорошо. В трудные минуты Вероника умела показать мир с другой стороны, раскрасить серую правду жизни яркими красками. Мы, словно в сказке, кружились под звездным небом, рисуя города...

– Дети – это целая Вселенная! – эта фраза Вероники запомнилась мне навсегда.

– Не знаю, насколько это поможет, но я передаю вам все события, которые четко отпечатались в моей памяти. Хотя их на самом деле было много. Всех не упомянешь...

– Вы запомнили все просто отлично. Несмотря на то, что прошло сорок лет. Уверен, к этим воспоминаниям вы возвращались не раз.

– Именно так, Захар Анатольевич, – я продолжила рассказ.

Мы вернулись в спальню за несколько часов до подъема. На следующий день после занятий я пошла проводить Алексея и отдать ему сладости. Про маму и суд не сказала ни слова, соврала, что приходила тетя Зина и передала гостинцы. Он был рад им и не задавал много вопросов.

В тот же день, чуть позже мы с Вероникой, Марией и Алексеем сидели на стадионе. К нам прибежала девочка и сообщила, что меня срочно ищет Виктория Сергеевна. Улыбнувшись ребятам, я быстро пошла в сторону здания. На душе было беспокойно, потому что меня вот-вот должны были отпустить из детского дома. Когда именно – я не знала. Недалеко от крыльца стояла черная «Волга – 21». За рулем был водитель в военной форме. Добежав до второго этажа, я, постучавшись, вошла. В приемной сидела завуч – Нина Васильевна. Увидев меня, она взволнованно произнесла: «Ну, где же ты ходишь? Тут такие люди тебя ждут!». Я приоткрыла дверь в кабинет Виктории Сергеевны и увидела отца Леночки – Владимира Петровича. Высокий, статный, как всегда подтянутый, он сидел за столом директора и курил папиросу. На нем была военная форма, которая сидела как влитая. Я знала от Лены, что многие очень ценили и дорожили дружбой с ним.

– Проходи, Спиридонова! Чего ты там? Проходи, садись, – взволнованно сказала Виктория Сергеевна.

– Здравствуйте, – стесняясь, поздоровалась я и села напротив генерала. – Как дела у Лены?

– Здравствуй, Ульяна! Леночка в порядке, – командным голосом ответил он. – Про маму я все знаю, но ты не огорчайся! Я уверен, что все наладится. Время летит очень быстро, и все невзгоды останутся позади. Я, собственно, приехал за тобой. Поживешь у нас пару дней, а потом поедете в Москву, поступать. Только Леночка надумала поступать в МГУ, ну а ты в медицинский. В Пирогова или Сеченова?

– Я в Сеченова, наверное...

– Ты готовилась? Или в свете последних событий забросила это дело? – спросил он.

– Нет, – я покачала головой, – Но я подтяну.

– Ну, вот и славно! А то Леночку без тебя будто подменили. Они дружат с первого класса, – пояснил он Виктории Сергеевне.

– Да-да, я это поняла, – она улыбнулась, поправляя прическу.

– С документами не волнуйтесь. Это я уже решил, – сказал Владимир Петрович.

– Если бы не вы, я бы не выдержала того натиска со стороны Гороно, – пролепетала Виктория Сергеевна.

– Ничего страшного, если надо, я бы и Москву подключил! – пробубнил он.

– Совершенно с вами согласна, – она передала ему большой конверт с моими документами. – Как и договаривались, я там ничего не меняла. В графе «Образование» стоит номер ее прежней школы. Я попросила директора школы, в которой училась Ульяна, сделать аттестат и поставить их печать.

– Отлично! Ну, давай, Ульяна, прощайся с братом, а я пока поговорю с Викторией Сергеевной. Буду ждать тебя в машине.

Помню, как выскочила из кабинета и первым делом побежала собирать вещи. Уже с чемоданом я понеслась на стадион, где все еще сидели ребята. Увидев меня, они вскочили со скамейки и побежали мне навстречу. Я опустилась на колени перед Алешей и стала его целовать, обещая, что обязательно заберу его, что ему просто нужно немного подождать. Девочки поняли, что я уезжаю. Они облепили меня, крепко обнимая.

– Ты так быстро уезжаешь, – грустно произнесла Вероника.

– Мне нужно ехать. Но придет время, я вас всех заберу! Вероника, пообещай мне, что будешь присматривать за ними. Я буду отправлять вам гостинцы и приезжать на каникулах...

Я замолчала, пытаясь сдержать слезы... Видя мое состояние, Августов сказал:

– Ульяна Андреевна, может, возьмем паузу?

– Нет, – переведя дыхание, я продолжила.

Прямо на стадионе я открыла чемодан, взяла пару вещей и переложила в небольшую сумочку.

– Вот тебе и чемодан, милая! Здесь теплые вещи, еще кое-какие тряпки, в общем, все девчачье, – сказала я Веронике. – Еще раз, прошу тебя, заботься о них!

– Не волнуйся. Я обо всех позабочусь! – пообещала она.

Я вздохнула и обняла свою троицу еще раз.

– Если будет трудно, то рисуй небо! – крикнула мне Вероника.

– Хорошо! – кивнула я и пошла к машине Владимира Петровича. Временами я оглядывалась, а дети так и стояли, глядя мне вслед. Лешка держался молодцом и провожал как настоящий мужчина, он даже не сделал попытки побежать за мной.

Странно, когда я попала в детский дом, мне было больно и сложно. Те же эмоции я испытывала, покидая его. Из-за Лешки, Вероники и Марии. Но мне нужно было начинать взрослую жизнь. От того, как я буду учиться и работать, зависело благополучие мамы и ребят. Я не могла их оставить на произвол судьбы.

Перед отъездом в Москву я сходила домой, взяла оставшиеся деньги, хранившиеся в тайнике, кое-что из одежды и навестила тетю Зину. Ей я оставила сто двадцать рублей на расходы для мамы и Лешки, а себе – сорок с лишним рублей на карманные расходы. Как и говорил Владимир Петрович, пару дней спустя мы с Леночкой уехали в Москву.

Глава 5

Месть идет по следу

Столица встретила нас теплым июньским дождем. Остановились мы у фронтового товарища Владимира Петровича, некоего Бориса Глебовича, фамилию не помню. Он оказался добрым и порядочным человеком. Жены у него не было, но была дочь, которая жила со своей семьей отдельно. Сам Борис Глебович жил в Подмоскowie, поэтому с радостью принял нас. Его просторная трехкомнатная квартира с высокими потолками находилась на Мытной улице со старинными дворами и огромными арками, такими красивыми, как описывают в книгах.

Борис Глебович встретил нас очень приветливо. Сначала он показал нам все комнаты, а потом пригласив за стол, бурно рассказывал о юных годах, проведенных на фронте вместе с отцом Леночки: про боевое ранение и как Владимир Петрович нес его на себе через грязь и слякоть, как им в Польше помогали партизаны, и про то, как во Вторую мировую войну они получили ордена и медали. Вечером он уехал к себе в Подмоскowie, оставив нам ключи от квартиры и номер своего загородного телефона, на всякий случай.

Целыми днями мы готовились к поступлению. Время от времени я звонила тете Зине, чтобы узнать, как дела и о новостях от мамы. В один из дней она сказала мне, что маму отправили в одну из колоний в Мордовию. Все шло своим чередом, пока на первом экзамене в институте Сеченова меня не завалил профессор биологии по фамилии Васненков, имени его я не помню.

– Постойте, Ульяна Андреевна, как завалил? Вы же готовились?

– Да, вот прямо так и завалил. Причем он даже не стал меня слушать, раскричался не на шутку. Я выбежала из аудитории вся в слезах, потому что мне не дали исправить свой ответ. Помню, мне хватило лишь сил, чтобы дойти до скамейки напротив аудитории. Я поняла, что устала...

– Неожиданно, конечно, – нахмурился Августов. – Я бы сказал, полоса неудач.

– Не то слово, Захар Анатольевич. Ровно с того дня, как я увидела женщину в черном, меня преследовала гнетущая карма. Будто ею была та самая женщина без лица.

Пока я сидела на скамейке, думая, что же мне делать, ко мне подошла какая-то девушка и назвала мою фамилию. Она представилась помощницей и сказала, что работает на кафедре Васненкова. Я сначала не поняла, чего ей было нужно от меня. Девушка попросила отойти с ней в сторонку, подальше от аудитории. Я согласилась. Как только мы скрылись с глаз, она стала объяснять, что увидела мои слезы и решила догнать меня, помочь. Она честно сказала, что я вряд ли сдам другие экзамены после завала у Васненкова, и посоветовала поступать в Башкирский или Литовский мединституты. Там экзамены принимались чуть позже. Пожелав мне удачи, она быстро удалилась.

Оставшись стоять одна, я не могла сообразить, что же мне делать. Во-первых, чтобы поступать в любой из этих институтов, мне нужны были деньги на переезд, тех, что у меня были, не хватило бы. Во-вторых, откуда я могла быть уверена в том, что эта девушка мне не соврала. Возможно, она специально сказала мне все это, чтобы освободить лишнее место? Ведь неявка на второй экзамен приравнивалась к провалу.

– То есть в тот день было два экзамена? – снова перебил меня Августов.

– Да, первый был по биологии, второй по химии, кажется.

– И что вы сделали?

– Ушла, – ухмыльнулась я.

– Ульяна Андреевна, ну как вы могли? Вы же не сдавались, почему вы приняли такое решение?

– Вы знаете, Захар Анатольевич, сейчас уже глупо задаваться этим вопросом, мой выбор тогда был сделан. Я не пошла на второй экзамен.

– А Владимир Петрович не посодействовал с институтом.

– Нет, я и не стала его просить. Он и так сделал для моей семьи очень многое. К тому же, в тот год я решила никуда не ехать, подумала, что найду работу и буду параллельно готовиться к поступлению в следующем году...

В тот день, после провального экзамена, я вернулась домой и вспомнила об отце. Нашла номер его телефона в блокноте, позвонила и попросила о встрече. Я не хотела рушить его семью или что-то просить. Мне лишь хотелось кому-нибудь выговориться, я решила, что момент для встречи с ним настал. Он продиктовал адрес. Оказалось, что мы жили практически по соседству, его квартира находилась на Якиманке. По дороге я думала, как пройдет наша встреча. Если он не захочет слушать, то я больше не буду обращаться к нему, да и вообще, сотру из жизни. Так за размышлениями я дошла до его дома. Поднявшись на нужный этаж, я позвонила в дверной звонок и, когда большая дубовая дверь открылась, увидела человека, который чем-то напоминал моего отца, хотя его образ практически стерся из моей памяти. Только глаза выдавали в нем родного мне человека, а еще некоторые, схожие с Алексеем, черты лица.

– Ульяна? – спросил он.

– Да, – кивнула я.

– Ну, проходи. Давай на кухню. У меня в комнате все отдыхают, время послеобеденное как-никак, – проговорил он, следуя по длинному коридору.

«Постарел, сторбился», – подумала я, рассматривая его со спины.

Кухня оказалась просторной, несмотря на шкафы и многочисленную утварь. Под потолком комнаты была натянута бельевая веревка, на которой висели постиранные вещи. Это была классическая кухня в коммунальной квартире.

Отец предложил мне выпить чаю. Я согласилась. Пока он возился с чайником, я рассказывала обо всем, что с нами произошло. Он неловко извинился за то, что тогда не смог толком говорить, так как поругался с женой. По нему было видно, что он не готов решать наши проблемы. Наверное, я должна была обвинить его, но он был моим отцом. Минут через двадцать на кухню зашла женщина – его новая жена. Она начала обвинять меня в попытке разрушить их семью и добавила, что у них нет лишнего места. Хотя я ни на что не претендовала. Странная логика у людей. В то время я не переносила крика, истерик и прочего насилия. Поэтому, не стала слушать ее, встала и выбежала из кухни напрямиком на лестничную площадку. Преодолев десятки ступеней, я остановилась в парадной и расплакалась. Вдруг послышался голос отца, который, видимо, попытался меня догнать. Но я не хотела его видеть, поэтому поскорее решила уйти.

Не помню, как я добралась до дома, но в квартиру не пошла. Мне не хватало воздуха, казалось, что вот-вот и грудная клетка разорвется от переполнявших эмоций. Чтобы справиться с ними, я полезла на крышу. Первые минуты я просто смотрела на небо со слезами на глазах, а потом начала рисовать его, города и людей под ним... Как ни странно, мне стало легче. Рисование неба помогло мне успокоиться, взять себя в руки и улыбнуться. Вдруг внизу я заметила женщину в черном одеянии. Именно тогда я разглядела, что у нее платок с рисунками. Судя по узорам, это были красные розы. Платок был завязан под косынку. Вся остальная одежда была черного цвета. Она смотрела в мою сторону, но ни высота, ни вуаль не давали мне разглядеть ее лица. Я крикнула прямо с крыши: «Что тебе надо? Кто ты? Почему ты ходишь за мной по пятам?». Но женщина ничего мне не ответила и через какое-то время повернулась и быстрыми шагами пошла прочь.

Тогда я ничего не сказала Леночке: ни о том, что меня завалили на экзамене, ни о глупой и бессмысленной встрече с отцом, а, тем более, о женщине в черном. Хотя она тревожила

меня больше всего. Конечно, это было нечестно по отношению к подруге, но мне не хотелось забивать ей голову в период сдачи экзаменов.

На следующий день я отправилась на поиски работы, и, к моему удивлению, удача мне улыбнулась. Меня взяли помощницей завсклада овощного магазина, который располагался практически по соседству с нашим домом. Так и началась моя трудовая деятельность. Днем я трудилась на складе, а по вечерам продолжала готовиться к поступлению. Мне все еще было непонятно, почему меня завалили на вступительном экзамене. Наверное, так было угодно судьбе, но, умом я понимала, что не все пальцы одинаковы: где-то везет, а где-то нет. Возможно, в следующем году, неважно в каком вузе, профессор или преподаватель, принимающий экзамен, оценит мои знания по достоинству. Хотя должна признать, что я очень переживала по этому поводу. Мне не давали опустить руки лишь письма от матери и тети Зины, которая передавала послания от детишек. Именно они заставляли меня сказать себе: «Стоп! Раз я решила стать врачом, значит буду! Нужно работать и готовиться!». Это было моим девизом в то время.

После той встречи с отцом наши отношения изменились. Папа, втайне от своей семьи, стал видаться со мной и помогать деньгами. Бывало то трешку подкинет, а то и десятичку. Когда не было денег, он приносил продукты. Происходило это три-четыре раза в месяц.

Кстати, Леночка поступила в МГУ на факультет журналистики. Жили мы спокойно и размерено. Дни были похожи один на другой. Пока не произошел случай, который стал сигналом о том, что я нахожусь в опасности.

Как-то осенним вечером в дверь нашей квартиры постучали. Мы с Леночкой удивились, так как никого не ждали. Я подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке спиной к нашей двери стояла женщина, одетая в длинное черное платье. Это была она! Из-под черного платка, небрежно повязанного косынкой, выбивались русые волосы. Вдруг она резко повернулась к двери. Я тогда не ошиблась – ее лицо было скрыто вуалью. Я очень испугалась, руки вмиг похолодели. Сделав шаг назад от двери, и, облокотившись на стену, я сползла на пол и истерично закричала: «Уйди, тварь! Зачем ты пришла?». Из комнаты выбежала Лена и, увидев меня в таком состоянии, начала успокаивать. Затем она потихоньку открыла дверь, но на площадке никого уже не было. Лена села рядом со мной на корточки и спросила, что произошло, но я почему-то никак не могла прийти в себя и толком ответить ей.

– Что случилось? – повторила Лена.

– Она снова была здесь, – ответила я.

– Кто она?

– Она... – ответила я, и снова начала рыдать.

– Что ты реवेशь, как ненормальная? – ничего не понимая, спрашивала Лена.

Тогда я рассказала ей о женщине в черном, которая, как мне казалось, преследовала меня. О том, что не могла разглядеть ее лица, будто его вообще и не было. Лена слушала молча, обняв меня и поглаживая по спине, но по ее лицу было видно, что она шокирована.

После этого визита женщины в черном, я потеряла покой. Даже по улицам ходила с опаской. Мне казалось, что она повсюду преследует меня. Иногда после работы я просила Леночку встретить меня у арки при входе в наш двор. Мои переживания усилило мамино письмо. В нем она писала, чтобы я была осторожна. Якобы, какая-то арестантка-цыганка на картах нагадала, что за мной ходят «слуги смерти», но ангелы оберегают меня, и, тем не менее, надо, быть начеку. Я стала бояться еще сильнее, мне казалось, что стоит взглянуть в темноту, как появится силуэт женщины в черном...

Одиннадцатого ноября 1976-го года я, как обычно, была на работе. С заведующей складом мы пересчитывали остатки продуктов, как ко мне подошла уборщица баба Маня и сказала, что меня попросила позвать какая-то родственница, которая ждет на заднем дворе. Я удивилась, ведь в Москве кроме папы и Леночки, у меня никого не было.

«Может, это тетя Зина приехала?» – подумала я и побежала на улицу. Уже стемнело, вечерние сумерки покрывали небо. Во внутреннем дворике не было ни души. Стояла звенящая тишина, которую изредка нарушали своим карканьем вороны. Легкий холодок пробежался по моему телу. В какой-то момент, наверное, сработала интуиция, я поняла, что женщина, которая позвала меня, была вовсе не родственницей и не тетей Зиной. Это была та самая незнакомка в черном одеянии, которая преследовала меня в последнее время. Я оглянулась по сторонам, но никого не заметила. Мне стало страшно, ведь я стояла одна посреди двора, окруженного нежилыми домами. Жильцов недавно расселили, а постройки готовили под снос. Женщина в черном могла находиться где угодно – в любом из темных переулков и подъездов. Внутренний голос подсказывал мне, что она где-то рядом. Я поспешила уйти, но через мгновение сильная головная боль, похожая на ту, что бывает при мигрени, пронзила меня. Схватившись обеими руками за голову, я закричала в пустоту: «Я знаю, что ты здесь! Ты смотришь на меня! Что тебе нужно? Чего ты хочешь? Кто ты такая? Оставь меня в покое!». Но мне никто не ответил. Вокруг стояла все та же тишина. Вдруг я почувствовала сильный удар в предплечье чем-то острым. Мне стало тяжело дышать, в глазах потемнело. Кажется, я стала падать, хватаясь руками за воздух, а в какой-то момент ухватила за подол черного платья или юбки. Дальше я ничего не помнила.

Когда я очнулась, не сразу поняла, что нахожусь в больничной палате. Медсестра, которая делала мне укол, сказала, что меня госпитализировали с ножевым ранением, я потеряла много крови, но, к счастью, рана была не глубокой и жизненно важные органы были не задеты. В больнице меня навещала Леночка и отец. Он приехал сразу же, как только узнал о происшествии. По очереди они дежурили в моей палате.

– Знаете, Захар Анатольевич, что бы там ни было, отец был настоящим человеком. Со временем мои представления о нем менялись только лишь в лучшую сторону. Я перестала винить его в том, что когда-то он бросил нас. Отец просто стал жертвой обстоятельств и ошибок, совершенных обеими родителями в молодости.

На следующий день ко мне пришел следователь. Он был молодым и только начинал службу. Сейчас попробую вспомнить его фамилию... Да! Владимир Сидоренко... Точно! Так вот, он расспрашивал меня о произошедшем. Но я ничего не смогла ему рассказать, так как толком ничего не поняла. Единственное то, что я высказала ему свои опасения относительно женщины в черном. Рассказала, как она появилась в моей жизни, вот только точно описать ее или составить фоторобот не получилось. Следователь задумался, что-то записал, затем уточнил, не украли ли у меня ценные вещи, которые были при мне в момент нападения. Это нужно было, чтобы исключить версию ограбления. Но ничего ценного при мне тогда не было. Да о каких ценностях могла идти речь в те годы, кроме как о мечте.

– Ульяна Андреевна, а что, лицо той женщины, действительно, было невозможно разглядеть? – спросил Августов.

– Нет. Мне этого никогда не удавалось. Она старательно прятала его под вуалью или вовсе поворачивалась спиной. Единственное, что я хорошо разглядела – она была чуточку полноватой, – ответила я.

– Ну и что в итоге сказал следователь? К чему пришло следствие?

– А что он мог сказать? Завели дело. Естественно, я проходила по нему, как потерпевшая.

Свидетелей на месте преступления не оказалось. Следствию удалось установить, что нападавшая поджидала меня за дверью, которая выходила во двор. По их версии это, действительно, была женщина, потому как удар был несильным и «неуверенным». Возможно, ей что-то помешало нанести удар сильнее и точнее. Баба Маня подтвердила, что в тот вечер меня, действительно, ждала ничем непримечательная женщина, по голосу ей показалось, что она была молодой. Из-за темноты старушка тоже не разглядела ее. Следователь тогда, помню, помучил

расспросами бабу Маню. Царствие ей Небесное! Ну а что с нее взять-то? Пожилой человек все-таки.

Через неделю ко мне снова пришел Сидоренко, ему стало известно об убийстве, которое совершила мама. Безо всякого труда он нашел родственников Ларина и даже съездил в мой родной город, чтобы переговорить с ними. Также он зашел в местный архив и поднял дело. Но его маленькое расследование показало, что родственники Ларина были совершенно не причастны к нападению на меня. Конечно, ими было высказано много нелестных слов и проклятий в мой адрес, но алиби у них было железное. Как я и говорила раньше, сестра убитого Ларина, Людмила Васильевна, работала в судебной системе. В тот день у нее было позднее судебное заседание, а его единственная дочь Ларина Евдокия была студенткой местного пединститута. На тот момент она вместе с матерью и отчимом была на вечере у знакомых. Выяснилось, что задолго до убийства самого Ларина, он состоял с Юлией в разводе, и она уже была официально замужем за другим человеком. Правда, по ее истерическому поведению на суде я бы так не сказала. Сидоренко впал в ступор. Не веря их алиби, он проверил отпечатки на рукоятке ножа, которым меня ранили. Они не совпали. При этом примечательно, что нож был сделан кустарно, в кузнице. Длиной он был около пятнадцати сантиметров с обычной железной рукояткой. Правда, это ни о чем не говорило. Такой нож можно было сделать в любой кузнице или мастерской по металлу. Следствие пришло к выводу, что дело «висяк».

Тем временем я поправлялась. Домой меня выписали после Нового года. Вот так и настал 1977-ой год. Кстати, стоит отметить, за то время пока я лежала в больнице, а потом дома, меня никто не беспокоил. За исключением случая, который произошел в один из дней, в начале весны. Время было позднее, Леночка уже легла спать, а я читала книгу по анатомии. Вдруг в окно кто-то кинул камень. Он разбил стекло на мелкие куски. Я сильно напугалась, а Лена сразу же подскочила с постели и выбежала в зал. Я подняла камень. Он был белым, среднего размера. Повернув его, я увидела надпись, сделанную маленькими буквами красного цвета, похожего на кровь: «Ульяна, ты ответишь за все. Я иду за тобой!». Страх парализовал меня. Я не могла и шелохнуться. Зато Леночка, в отличие от меня, быстро сообразила и, накинув на себя куртку, выбежала на улицу, но там никого не было.

Несмотря на поздний час, я позвонила следователю. Он приехал к нам и внимательно осмотрел разбитое окно и камень с посланием, что-то записал в своем блокноте и, попрощавшись, уехал. В то время анализов ДНК не было. Но благодаря упорству Сидоренко криминалисты установили, что слова на камне были написаны густыми красными чернилами.

– Вот, собственно, Захар Анатольевич, как-то так.

– Удивительно, – произнес он, чуть прищурив глаза.

– Чему именно вы удивляетесь? – поинтересовалась я.

– У меня есть предположение, что дама в черном страдала шизофренией или простыми словами – раздвоением личности. Ведь не может же она все время ходить в этих своих черных балахонах. Так бы ее можно было вычислить.

– Может быть, вы правы, – я не стала утверждать.

– Скорее всего, так и есть. И более того, подозрение с семьи убитого никто ведь не снимал. Это могли быть не они сами. Вполне вероятно, что родственники наняли кого-то. А за деньги, вы сами знаете... Да взять элементарно, хотя бы то, что сестра Ларина была судьей и использовала свои связи. Ведь зачастую судьи пользуются услугами бывших заключенных в решении разных темных делишек. Никто не идеален, а мир – замкнутый круг общения, в котором, по сути, нет ненужных людей. Все мы взаимодействуем друг с другом, иногда осознанно, а иногда нет. Позволю себе заметить, что появилось это не вчера, а существует на протяжении веков. Так что, я буду рассматривать эту версию.

– Я не знаю всех деталей следствия. Повторюсь еще раз, Сидоренко тщательно проверял семью покойного Ларина и не нашел ни одной зацепки. Проверены были все пути их передви-

жения. Но следов ни на поезде, ни на самолете обнаружено не было. У них было идеальнейшее алиби. Захар Анатольевич, возможно, вы и правы, но каждый эпизод, про который я вам рассказываю, имеет свой смысл и хранит в себе ответы на абсолютно все вопросы. К тому же, персонаж, который мутит воду, эта женщина в черном, в моих воспоминаниях уже больше не появится, по крайней мере, до восьмидесят шестого года. Разве, что пару раз. К ним я приду постепенно, чтобы не запутаться самой и не запутать вас.

– Хорошо, Ульяна Андреевна! Не забывайте, я не следователь, а обычный психолог и моя задача – вернуться вместе с вами в ваше прошлое, попытаться расставить все по местам и найти ответы на вопросы, которые вас мучают. Именно поэтому я иногда перебиваю вас, уточняя отдельные детали. На данный момент я внимательно слушаю вас, анализирую и делаю заметки. Но пока, откровенно говоря, я не знаю, получится ли у нас достичь истины. Во всяком случае, к чему-нибудь мы обязательно придем. Отдельно хочу отметить, что ваш стиль изложения уникален. Человеческий мозг запоминает то, что необходимо для него. А вот связать воспоминания в историю и преподнести ее так, это надо уметь! Такой клиент, как вы, Ульяна Андреевна, у меня впервые.

– Это еще почему? Что уникального в моем рассказе?

– Я много лет занимаюсь психоанализом людей и их поведением. К каждому клиенту у меня свой подход. Потому что физиологические или умственные способности у всех совершенно разные. В мире нет ни одной стопроцентной копии какого-то человека, при этом все люди чем-то похожи. Но то, что рассказываете вы, не похоже ни на что. Ваши воспоминания несколько отрывочны, но и с другой стороны необычайно красочны. Возможно, вы помните больше, но говорите мне ровно столько, сколько необходимо...

– Я не утаиваю от вас ничего, поверьте. Рассказываю все то, что мне запомнилось. Это сейчас я могу совершенно спокойно и непринужденно делиться событиями тех лет. Переживать их тогда было невероятно больно. Хотя и сегодня шрам под плечом постоянно напоминает мне о моей непростой молодости. И не только он. Давайте по порядку.

После того как я поправилась, а шрам более или менее зажил, я решила покинуть Москву и по совету ассистентки Васненкова попробовать поступить в Каунасский Медицинский Институт. Но до этого мне хотелось навестить детей и тетю Зину. Так, в мае 1977-го года я собрала все вещи и перед отъездом пошла, чтобы проститься с отцом. Он был немного удивлен моим решением уехать в Литву, но отговаривать не стал. Наоборот, дал мне немного денег на дорогу, гостинцев и попросил сходить вместе с ним в «Народный банк». Там отец открыл на мое имя сберегательную книжку и положил туда двести рублей. В те годы это была большая сумма. Он сказал тогда, что эти деньги – все, что ему удалось скопить, откладывая каждый месяц на протяжении долгого времени. Я отказывалась, просила, чтобы он оставил себе хоть половину, объясняла, что у меня есть сбережения, но он был непоколебим. После банка мы зашли в кафе. Тогда, впервые за все время, я спросила, почему он ушел из семьи. Это была большая тема. С одной стороны, мне не хотелось ее поднимать, а с другой – любопытство взяло верх. Потом я уже поняла, что в нашей жизни нет ничего случайного, как и тот разговор с отцом.

Среди множества диалогов, которые происходят у человека в течение жизни, есть те, что меняют мир вокруг нас. Запоминаются фразы, направляющие на верный путь, оберегающие от бед и сопровождающие нас до самого конца. Именно такую фразу произнес мой отец: «Девочка моя, наша жизнь, словно улица, полна неожиданных, порой крутых поворотов. На ней много дверей в разные дома. Иногда, поддавшись соблазну, а, может, просто из любопытства, мы сворачиваем не в тот переулок, стучимся не в ту дверь. Порой вернуться назад очень сложно. Желание постоянно странствовать по разным улицам и заходить в чужие двери со временем пропадает. Человеку хочется остановиться и осесть уже среди близких и любящих людей. Но этот удел не для всех. Обрести настоящее семейное счастье дано не каждому.

А одиночество – итог наших ошибок молодости или воли судьбы. Когда мы с мамой только поженились, то очень любили друг друга. Потом появилась ты, стала подрастать. Вместо того чтобы окрепнуть, наши отношения обрастали недоверием и ревностью. Не скрою, это было не без повода. Не буду вспоминать обид, не по-мужски это. Но после рождения Лешки из-за этой ревности мы вовсе отдалились друг от друга. Губительные чувства и подозрения потихоньку разрушали нашу семью. В чем-то я был не прав, в чем-то мама. Сейчас это не имеет никакого значения. Мы все совершаем ошибки. И назад уже ничего не вернуть. Прости меня. И Алешка пусть простит, если сможет. Такова жизнь, Ульяна».

Я ответила ему, что он ни в чем не виноват. Что было, то прошло. Поэтому вместо обвинений я сказала отцу, что несмотря ни на что, он был лучшим на свете. Уже в конце разговора он упомянул, что окончательной причиной их с мамой развода была измена. Я не буду конретизировать, чья именно.

После откровений о разводе отец сменил тему:

– На днях я разговаривал с Сидоренко. Мне беспокойно, я очень переживаю за тебя. Пожалуйста, будь осторожна. Следователь сказал, что никаких зацепок, кроме того, что это была женщина, больше нет. И это плохо. Ведь мы не знаем, с какой стороны она может появиться в следующий раз, – с трепетом произнес он.

– Да, ладно! Ничего страшного. Чего ее бояться-то? Все что могла она сделать плохого, уже сделала. Сидоренко, конечно, молодец! Очень хочется, чтобы он нашел эту мерзавку. Я о ней стараюсь не думать, но иногда у меня появляется дикое желание встретиться с ней и расспросить о том, что же ей, в конце концов, нужно от меня. Интерес к ней убил во мне всяческий страх и дал сил. Так что, папочка, не переживай! Единственное, можно, я попрошу тебя об одном? – спросила я отца. – Пожалуйста, проводывай иногда Лешку! Он твой сын и нуждается в тебе больше всех. Я не хотела тебе говорить, но когда ему было три-четыре года, каждый раз, когда у нас в доме появлялись мужчины, он всех называл «папой», а они даже не проникались к нему. Получив желаемое, они исчезали навсегда. Но Лешка был маленьким и не понимал, что этим «папам» на самом деле наплевать на его чувства. В этом и есть ошибка матери, допускающей такие моменты.

От услышанного отцу стало не удобно. Мне не хотелось его расстраивать, но я должна была сказать всю правду. Он проводил меня до вокзала, где меня ждала Леночка, которая тоже пришла попрощаться и передать посылку для своей семьи. Я крепко обняла их и отправилась в путь. Время было вечернее, поэтому, как только поезд тронулся, я задремала, а уже на следующий день стояла на станции родного городка. Еще через полчаса я была дома.

В доме ничего не изменилось. Все комнаты были в идеальном порядке. Спасибо тете Зине. Зайдя на кухню, я мысленно увидела картину, как мы с мамой готовили что-нибудь вкусное, а Лешка играл где-нибудь поблизости. Воспоминания о прежних днях были теплыми и одновременно тяжелыми. Сев за стол, я расплакалась. Мое душевное равновесие вновь было нарушено. Когда в доме никто не живет, он теряет душу. Посидев немного на кухне, я прошла в зал, открыла шкаф и вытащила коробку из-под обуви, в которой хранились альбомы с семейными фотографиями. Я знала, что там есть одна фотография, на которой мы запечатлены все вместе: папа, мама, только что родившийся Алексей и я. Ее и несколько других я положила в свой чемодан.

Под вечер пришла тетя Зина. Она очень обрадовалась моему возвращению. Но по ее виду, я поняла, что она чем-то обеспокоена. Пока мы сидели на кухне и пили чай, тетя Зина рассказала мне, что генерала Жевнаренко сняли с должности за какие-то «дела» на службе. Якобы был донос. К ней приходила Виктория Сергеевна и сказала, что сразу же после ухода генерала, была комиссия из горкома и интересовалась, почему меня отпустили в Москву до наступления нужного возраста. «Сволочи, когда он сидел на месте, слова никто не говорил!» – негодовала тетя Зина.

Они пытались что-то разузнать, интересовались, приезжала ли я в город. Скорее всего, это была комиссия по делам детдомовских детей. Новость меня очень сильно расстроила. Получалось, что я не могла увидеться ни с Алешкой, ни с моими девчонками. Я оставила посылку для семьи Леночки и деньги, попросив тетю Зину купить гостинцы и теплую одежду для ребятшек. Несмотря на то, что я очень по ним соскучилась, не стала рисковать и в тот же вечер поехала снова на вокзал. Там я села на первый поезд, идущий в Минск. А оттуда мой путь лежал в Каунас.

Глава 6

Ула

В купе со мной ехала только женщина с ребенком лет семи. Я так устала, что после короткого знакомства, попросив прощения, легла спать. Перед отъездом я узнала, что в Минске нужно было пересест в автобус, идущий через Вильнюс в Каунас. Это экономило время, так как поезд нужно было ждать сутки. На следующий день вечером поезд прибыл в Минск, оттуда я сразу отправилась на автобусную станцию, где купила билет до Каунаса. Отыскав свой автобус, я села на место, указанное в билете. Моей соседкой оказалась женщина средних лет. Мы поздоровались и, как только автобус тронулся, я стала засыпать. Проснувшись, я посмотрела в окно и поняла, что проспала достаточно долго. Начинался новый день.

– Отдохнули? – улыбнулась мне женщина. – Меня Мартой зовут, а вас?

– Ульяной, – представилась я, также улыбнувшись в ответ.

– Красивое имя! Уль-я-на, – произнесла она по слогам. – Далеко едете?

– Спасибо большое. В Каунас.

– Бывали там? – с интересом спросила Марта.

– Нет, но почему-то еду. Хочу поступать в медицинский, – пояснила я.

– Это хороший выбор, Ульяна, – сказала она, а затем посоветовала мне сразу же по приезду снять комнату. Потому что, как только наступает пора вступительных экзаменов, со съемным жильем становится тяжело – в Каунас приезжает много студентов из Прибалтики.

– Ульяна, если тебе некому будет помочь с жильем, обратись к моей знакомой Уле. Она поможет тебе с комнатой, – продолжала советовать Марта.

– О, это очень кстати! В Каунасе у меня, действительно, никого нет, – я обрадовалась помощи. – Вы знаете, Марта, как бы глупо это не звучало, но я еду наудачу.

Марта улыбнулась, вырвала из блокнота лист и написала на нем номер телефона своей знакомой. А я на всякий случай продублировала его на одну из последних страничек своего паспорта. Как оказалось, Ула была художницей и жила в центре Каунаса.

Я была очень растрогана такой случайной помощью и в знак благодарности достала из своей сумки коробку конфет, которую купила себе на дорожку, но так и не открыла, и протянула ее Марте. Улыбнувшись, она отказалась, сказав, что всего лишь помогла хорошему человеку. Всю дорогу мы разговаривали. Благодаря этому, долгая поездка пролетела словно миг. Впервые, изменив своим принципам, я рассказала Марте о своей жизни, умолчав о попытке изнасилования. Мне было неудобно рассказывать ей об этом. Зато я много говорила о Лешке, Веронике и Марии. Столько накопилось в моей душе, что слезы сами катились из моих глаз. А я их и не стыдилась тогда. Марта все это время слушала меня и не перебивала. Закончив свой рассказ, я на какое-то время замолчала и почувствовала облегчение. Будто кто-то снял часть груза с моей души.

Когда водитель в Вильнюсе объявил о том, что через пятнадцать минут будет остановка, пассажиры стали собираться и готовиться к выходу. Марта взяла сумки, стоявшие у ее ног, и, посмотрев на меня, сказала:

– Береги себя и ничего не бойся. Появление женщины, которая преследует тебя очень странно и непонятно. Но ты ничего не бойся! Просто будь осторожна.

Я не смогла сдержаться тогда и сразу же ответила ей:

– Я не понимаю, кто она? Чего она хочет от меня? Ведь я никому не сделала ничего плохого...

Она немного помолчала, а потом произнесла слова, которые звучали пророчески:

– Ульяна, некоторым людям свойственно играть с демонами. А о последствиях они и не задумываются. Ведь все их черные дела бумерангом вернутся к ним. Я уверена, что ты найдешь ответы на все свои вопросы, но только не сейчас. Тебе предстоит пройти еще много испытаний. Впереди тебя ждут и потери, и трудности, и радостные моменты. Так устроен мир – у каждого из нас своя судьба. Кто-то рождается и страдает всю жизнь, а кто-то живет до глубокой старости, припеваючи. Однако судьба может поменять декорации в один миг. Все зависит от человека, ведь у всех свое бремя. Помни это. И еще, у тебя очень красивая улыбка. Улыбайся чаще! Ты – дитя расплаты. Но ничего, когда-нибудь и ты обрешь свое счастье.

Автобус остановился. Марта крепко обняла меня и торопливо пошла к выходу, помахав на прощанье. Я даже не успела поблагодарить ее. Автобус вновь тронулся, и через некоторое время мы прибыли в старинный город Каунас.

Выйдя на вокзале, я нашла телефонную будку и набрала номер телефона, который дала мне Марта. После четвертого гудка на другом конце провода мне ответил тонкий женский голос.

– Алло, это госпожа Ула? – приветливо спросила я.

– Да, она и есть, – на ломанном русском ответила женщина.

– Здравствуйте, госпожа Ула! Меня зовут Ульяна. Я приехала поступать в медицинский институт, а ваш номер телефона мне дала Марта из Вильнюса. Она сказала, что вы можете мне помочь и сдать на некоторое время комнату. Разумеется, я заплачу.

– Очень приятно, Ульяна. Наши с вами имена чем-то схожи. Вы не заметили? – мне показалось, что женщина на том конце провода улыбнулась. – Погодите. Марта? Из Вильнюса? Что-то я не припоминаю никакой Марты из Вильнюса. Да и комната для постояльцев у меня всего лишь одна. Я не сдаю ее уже больше трех лет. А эта госпожа Марта, наверное, раньше снимала, возможно, поэтому я и не вспомнила. Извините, милая девушка, но я комнату не смогу сдать, всего доброго!

– Ну что вы, Ула, я вас прекрасно понимаю.

Я тяжело вздохнула и извинилась за то, что побеспокоила ее своим телефонным звонком. Мне оставалось повесить трубку, как вдруг Ула заговорила:

– Ульяна, а у вас есть в Каунасе кто-нибудь из знакомых, кроме меня?

– Если честно, то я впервые здесь и из всех моих знакомых в этом прекрасном городе только вы, – призналась я.

– Так-так, – немного помолчав, она добавила, – Вы сейчас где? Еще на вокзале? Давайте встретимся на Ратушной площади через полчаса. Я буду вас ждать неподалеку от входа в Каунасский Кафедральный собор святых Петра и Павла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.